

~~8~~
81-89

T. 88
M $\frac{102}{409}$

801-75
655

уф

СТИХОТВОРЕНИЯ

Е. ТЮТЧЕВА.

17600

МОСКВА.
Типография А. П. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

Либ. 5654

кп 551

83769-46.

2011137633

Первое издание стихотворений *О. И. Тютчева* появилось в 1854 г. Собранные по настоянию и при содействии *И. С. Тургенева*, они сначала были напечатаны в «*Современникѣ*», потом, пополненные, вышли особою книжкой, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

„Получивъ отъ *О. И. Тютчева* право на издание его стихотворений, редакция „*Современника*“ помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ самимъ отвергнуты. По мы сочли за лучшее дать публикѣ издание по возможности полное. Такимъ образомъ, въ настоящемъ собраніи представляется публикѣ вся поэтическая дѣятельность поэта, за исключеніемъ нѣсколькихъ пѣснь, совершенно незначительныхъ.

Санктпетербургъ. Май 1854 г.“

Въ настоящее же издание, предлагаемое публикѣ, вошли, кромѣ стихотворений, изданныхъ «*Современникомъ*» въ 1854 году, стихотворенія написанныя *О. И. Тютчевымъ* съ 1854 года по настоящее время, и, кромѣ того, нѣкоторыя принадлежащія къ прежнему періоду дѣятельности поэта и пропущенныя въ изданіи «*Современника*».

Мартъ, 1863 г. Москва.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. В. Ш—ВУ.

На-силу добрый геній твой,
Мой братъ по крови и по лѣни,
Увель тебя подъ кровь родной
Отъ всѣхъ манёвровъ и учений,
Казармъ, тревогъ и заточеній,
Отъ жизни мирно-боевой.
Въ кругу своихъ, въ халатѣ, дома,
И съ службой согласивъ покою,
Ты праздный мечъ повѣсилъ свой
Въ саду героя-агронома.
Но что-жь? Ты могъ ли на просторѣ
Мечтѣ любимой измѣнить?
Ты знаешь, братъ, что праздность—горе,
Коль не съ кѣмъ намъ ее дѣлить.

Прими-жь мой дружескій совѣтъ
(Оракуль говорилъ стихами
И убѣждалъ, бывало, свѣтъ):
Между московскими красами
Найдти легко, сомнѣнья нѣтъ,
Красавицу въ пятнадцать лѣтъ,
Съ умомъ, душою и дулами.
Оставь на время плугъ Толстаго,
Забудь химеры и чины,
Женись, — и въ полномъ смыслѣ слова
Будь адъютантъ своей жены.
Тогда предайся вдохновенью,
Разбудить Музу Гименей, —
Своей жертвую я лѣнью,
Лишь ты свою преодолѣй!

1826 г.

II.

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Горы, какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играють выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

III.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палить отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь снѣшать ручьи.

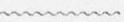
И между тѣмъ какъ, полусонный,
Нашъ дольний мѣръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовоной,
Во мглѣ полуденной почилъ,—

IV.

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышетъ полдень мгlistый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

V.

Песокъ сыпучій по колѣни....
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій....
Какія грустныя мѣста!...
Ночь хмурая, какъ звѣрь стокой,
Глядитъ изъ каждаго куста.

VI.

ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ;

Опѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

VII.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть....
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно спрѣвѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою.
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

VIII.

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ пѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой.

IX.

ВЕСНА.

Какъ ни гнететь рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены, —
Что устоитъ передъ диханьемъ
И первой встрѣчею весны?

Весна — она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ...
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплеть надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна:
Была-ль другая передъ нею —
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродить.
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находятъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытiя.

Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поеть,
Благоухающiя слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,
И страхъ кончины неизбежной
Не свѣтъ съ древа ни листа,
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди-жь, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди — струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемiрной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

~~~~~

X.

Давно-ль, давно-ль, о югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу?
Давно-ль, — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ, —
Я тамъ заслушивался пѣнъ
Великихъ средиземныхъ волнъ!

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармонiи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла....
Онѣ все тѣ же и понынь,
Все также блещутъ и звучать, —
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ, —
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ — тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей.

XI.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бѣгутъ о берегъ свой.

То гласъ ея: она пудитъ насъ и проситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ чолнъ....
Приливъ растеть и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славою звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Ты беззаботно вдаль глядѣла....
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучише пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью безпечной,
Счастливый провожала день....
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

xii.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина зѣмка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись грантъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груди вѣковой....
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

XIII.

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на дрѣвѣ:
Иль ихъ садовникъ привлечъ?
Иль зрѣеть плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою виѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живуть въ семь мирѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца знать не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И, языками не земными
Волную рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы! души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой!

XIV.

Съ какою нѣгою, съ какою тоской влюбленный
 Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ на
 немъ:
 Безмысленно-нѣма, нѣма какъ опаленный
 Небесной молніи огнемъ,
 Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сердечной,
 Вся трепеть, вся въ слезахъ, ты повергалась ницъ;
 Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
 Сходилъ на шелкъ твоихъ рѣсницъ.
 И на руки къ нему глава твоя склонялась,
 И матери нѣжной тебя лелѣялъ онъ,
 Стоишь замираешь въ устахъ, дыханье уравнилось,
 И тихъ, и сладокъ былъ твой сонъ...
 А днесь... О, еслибы тогда тебѣ приснилось,
 Что будущность для насъ обояхъ берегла...
 Какъ узвѣнная, ты-бъ съ воплемъ пробудилась
 Иль въ сонъ иной бы перешла.

XV.

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
 И все столпилось вокругъ.
 Толкуются, дышать черезъ силу...
 Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
 Въ возгласіи, гдѣ гробъ стоитъ,
 Ученый пастырь сановитый
 Рѣчь погребальную гласить:

Вѣщаетъ брѣнность человѣчью,
 Грѣхопаденье, кровь Христа, —
 И умною, пристойной рѣчью
 Толпа различно запята.

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
 Такъ безпредѣльно надъ землей,
 И птицы рѣютъ голосисто
 Въ воздушной безднѣ голубой.

ИТАЛИАНСКАЯ ВИЛЛА.

И распростяся съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслоняся,
Блаженной тѣнью — тѣнью елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ, тому ужъ вѣка два иль болѣ,
Волшебною мечтою ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полу-сонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По-прежнему фонтанъ въ углу лепечеть,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечеть....
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что это, другъ! или злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

XVII.

S I L E N T I U M.

Молчи, скрывайся и тай
 И чувства, и мечты свои!
 Пускай въ душевной глубинѣ
 И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
 Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
 Любуйся ими и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
 Другому какъ понять тебя?
 Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
 Мысль изреченная есть ложь.
 Взрывая, возмущишь ключи:
 Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
 Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
 Таинственно-волшебныхъ думъ;
 Ихъ заглушить наружный шумъ,
 Дневные ослаблять лучи:
 Внимай ихъ пѣнью и молчи.

XVIII.

Какъ птичка раннею зарей,
 Міръ, пробудившись, встрепенулся....
 Ахъ, лишь одной главы моей
 Сонъ благодатный не коснулся!
 Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
 Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
 На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
 Вчерашній зной, вчерашній прахъ!

О, какъ пронзительны и дики,
 Какъ ненавистны для меня —
 Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
 Младаго, пламеннаго дня!
 О, какъ лучи его багровы,
 Какъ жгутъ они мои глаза!
 Ночь, ночь! о, гдѣ твои покровы,
 Твой тихій сумракъ и роса?...

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

ИУХ

XIX.

Какъ надъ горячею золою
Дымится свитокъ и старость,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирать, —

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ!
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ....

О, небо, еслибы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долъ,
Я просіялъ бы и погасъ!

Что, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что такъ грудь твою спираетъ
И уста твои палитъ?

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы....
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?....

XX.

Въ душномъ воздухѣ молчанье
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чулъ за бѣлой душею тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ....

Жизни нѣкій избытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,
Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣетъ и горитъ!

Дѣва, дѣва, что волнуешь
Дыму персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуешь
Влажный блескъ очей твоихъ?

Душа моя—элизіумъ тѣней!
 Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
 Ни замысламъ години буйной сей,
 Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя—элизіумъ тѣней!
 Что общаго межъ жизнью и тобою,
 Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
 И сей безчувственной толпою?

Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля.
 Вокругъ меня все было такъ уныло;
 Бездѣльный грунтъ небесъ, песчаная земля—
 Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли—
 Кровавую и мрачную ту пору,
 Когда сыны ея, простертые въ пыли,
 Лобзали рыцарскую шпору.

И глядя на тебя, пустынная рѣка,
 И на тебя, прибрежная дуброва,
 Вы—мыслилъ я—пришли издалека,
 Вы—сверстники сего бывова!

Такъ вамъ оди́мъ лишь удалось
 Дойти до насъ съ береговъ другого свѣта:
 О, еслибъ про него хоть на одинъ вопросъ
 Могъ допроситься я отвѣта!...

Но твой, природа, міръ о дняхъ бывшихъ молчить
Съ улыбкою двусмысленной и тайной:

Такъ отрокъ, чаръ ночныхъ свидѣтель бывъ слу-
чайной,

Про нихъ и днемъ молчаніе хранить.

~~~~~

XXIII.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И ноешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимой!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться....
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!....

~~~~~

XXIV.

Душа хотѣла-бъ быть звѣздой,—
 Но не тогда, какъ съ неба полуночи
 Сія свѣтила, какъ живыя очи,
 Глядятъ на сонный міръ земной,—

Но днемъ, когда, сокрытыя какъ дымомъ
 Палящихъ солнечныхъ лучей,
 Они какъ божества горять свѣтлѣй
 Въ эфирѣ чистомъ и незримомъ.

XXV.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
 Сказать послѣднее прости,—
 Прости всему, чѣмъ сердце жило,
 Чтò жизнь убивъ, ее испепелило
 Въ твоей измученной груди!

Прости.... Черезъ много, много лѣтъ
 Ты будешь помнить съ содроганьемъ
 Сей край, сей берегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
 Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
 Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
 Декабрскій воздухъ разогрѣтъ.

XXVI.

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала;

И доносилися порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй,—
Строй звучный, шумный и невнятной.

Весенней пѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ
И воцарилось молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ,
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ римскій говорилъ:
 «Средь бурь гражданскихъ и тревоги,
 Я поздно всталъ и на дорогѣ
 Застигнуть ночью Рима былъ!»
 Такъ: но, прощаясь съ римской славой,
 Съ капитолійской высоты
 Во всемъ величьи видѣлъ ты
 Закатъ звѣзды его кровавой!...
 Счастливъ, кто посѣтилъ сей миръ
 Въ его минуты роковыя:
 Его призвали Всеблагія,
 Какъ собесѣдника на пиръ;
 Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
 Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
 И заживо, какъ небожитель,
 Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
 Фонтанъ сіяющій клубится,
 Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
 Его на солнцѣ влажный дымъ.
 Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
 Коснулся высоты завѣтной,—
 И снова пылью огнецвѣтной
 Ниспастъ на землю осужденъ.
 О, смертной мысли водометъ,
 О, водометъ неистощимый!
 Какой законъ непостижимый
 Тебя стремить, тебя мятеть?
 Какъ жадно къ небу рвешься ты!
 Но дань незримо-роковая,
 Твой лучъ упорный преломляя,
 Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты....

ДВУМЪ СЕСТРАМЪ.

Объихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ,
 И всю тебя узналъ я въ ней:
 Та-жь тихость взора, нѣжность гласа,
 Та-жь прелесть утренняго часа,
 Чтò вѣяла съ главы твоей!
 И все, какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
 Все обозначилоя вновь:
 Минувшихъ дней печаль и радость,
 Твоя утраченная младость,
 Моя погибшая любовь!

Востокъ бѣлѣлъ.... Ладья катилась,
 Вѣтрило весело звучало!
 Какъ опрокинутое небо
 Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... Она молилась,
 Съ кудрей откинувъ покрывало,
 Дышала на устахъ молитва,
 Во взорахъ небо ликовало....

Востокъ всплалъ.... Она склонилась,
 Блестящая поникла выя,
 И по младенческимъ ланитамъ
 Струились капли огневья....

Потокъ сгустился и тускнѣеть
 И прячется подъ твердымъ льдомъ,
 И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмнѣеть
 Въ оцѣпенѣнны ледяномъ.
 Лишь жизнь безсмертную ключа
 Скovať всесильный хладъ не можетъ:
 Она все льется и, журча,
 Молчанье мертвое тревожить.

Такъ и въ груди осиротѣлой,
 Убитой хладомъ бытія,
 Не льется юности веселой,
 Не блещетъ рѣзвая струя.
 Но подо льдистою корой
 Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
 И внятно слышится порой
 Ключа таинственнаго шопотъ.

Яркій снѣгъ сіялъ въ долинь:
 Снѣгъ растаялъ и ушелъ;
 Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ,—
 Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлнѣть
 Тамъ, на высахъ снѣговыхъ?
 А заря и нынѣ снѣтъ
 Розы свѣжія на нихъ!...

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воинъ — сторожъ на стѣнѣ —
Слышалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ какъ бы во снѣ.

Чуть дремотой забывался,
Гулъ яснѣлъ и грохоталъ...
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы,
Поддался и ты судьбѣ,
О, Дунай, и пароходы
Нынче рыцуть по тебѣ.

XXXIII.

Тамъ, гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи.

Тамъ-то, молвятъ, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ,
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ.

Мѣсяцъ слушалъ, волны пѣли
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

И лучами не земными,
Заключень и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонекъ.

XXXIV.

Надъ виноградными холмами
 Плынуть золотыя облака,
 Внизу зелеными волнами
 Шумить померьшая рѣка;
 Взоръ постепенно изъ долины,
 Подъемясь, всходить къ высотамъ
 И видить, на краю вершины,
 Круглообразный, свѣтлый храмъ.
 Тамъ въ горнемъ, не земномъ жилищѣ,
 Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
 И легче и пустынно-чище
 Струя воздушная течеть.
 Туда взлетая, звукъ нѣмѣтъ,—
 Лишь жизнь природы тамъ слышна,
 И нѣчто праздничное вѣтъ,
 Какъ дней воскресныхъ тишина.

Ротенбургъ.

XXXV.

Смотри, какъ западъ загорѣлся
 Вечернимъ заревомъ лучей,
 Востокъ померкнувшій одѣлся
 Холодной, сизой чешуей!

Въ враждѣ-ль они между собою?
 Иль солнце не одно для нихъ
 И, неподвижною средою
 Дѣля, не сѣдиняетъ ихъ?

АРФА СКАЛЬДА.

О, арфа Скальда, долго ты спала
 Въ тѣни, въ тиши забытаго угла;
 Но лишь луны, очаровавшей мглу,
 Лазурный свѣтъ блеснулъ въ твоємъ углу,
 Вдругъ чудный звонъ затрепеталъ въ струнѣ,
 Какъ бредъ души, встревоженной во снѣ.

Какой онъ жизнью на тебя дохнулъ?
 Иль старину тебѣ онъ вспомнилъ,
 Какъ по ночамъ здѣсь сладострастныхъ дѣвъ
 Давно минувшій вторился напѣвъ?
 Иль въ снѣхъ цвѣтущихъ и поднесъ садахъ
 Ихъ легкихъ ногъ скользнуть незримый шагъ?

ЛЕБЕДЬ.

Пускай орелъ за облаками
 Встрѣчаетъ молніи полетъ
 И неподвижными очами
 Въ себя вливаетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
 О, лебедь чистый, твоего!
 И чистой, какъ ты самъ, одѣло
 Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездной
 Лелѣетъ твой всезрѣцій сонъ,
 И полной славой тверди звѣздной
 Ты отовсюду окруженъ.

XXXVIII.

ДЕНЬ и НОЧЬ.

На мѣрѣ тапшественный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ —
День земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ челоуѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла — и съ мѣра роковаго
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И вѣтъ преграда межъ ей и нами:
Вотъ отъ чего намъ ночь страшна.

XXXIX.

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ!

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови
И пуще пламеннаго глѣва
Страшись позовой любви.

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всеиленъ, какъ стихія, —
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поносить или хвалить
Поэта—суетный народъ:
Онъ не змѣєю сердце жалить,
Но какъ пчела его сосеть.

Твоей святыни не нарушить
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задуть
Иль унести за облака.

— ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началъ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣвьяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтревая Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громогвищій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Сквозь грёзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

XII.

СОНЪ НА МОРЪ.

И море и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ;
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебномъ-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой мѣръ,
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ....
Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ, —
По высямъ творенья я гордо шагаль,
И мѣръ подо мною недвижно сіялъ....

В И Д Ъ Н І Е.

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
 И въ оный часъ явленій и чудесъ
 Живая колесница мірозданья
 Открыто катится въ святилищѣ небесъ!

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ.
 Безмятество, какъ Атласъ, давить сушу;
 Лишь Музы дѣвственную душу
 Въ пророческихъ тревожахъ боги снахъ!

Вечеръ мглистый и ненастный....
 Чу! не жаворонка-ль гласъ?
 Ты ли, утра гость прекрасный,
 Въ этотъ поздній, мертвый часъ?
 Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,
 Въ этотъ мертвый поздній часъ,
 Какъ безумья смѣхъ ужасный,
 Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

Ты знаешь домъ, на мраморныхъ столбахъ,
Сіяетъ заль и куполь весь въ лучахъ;
Глядятъ кумиры молча и грустя:
«Что, что съ тобою, бѣдное дитя?....»

Ты знаешь домъ?... Туда, туда съ тобой
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ, родитель мой!

XLIV.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Kennst du das Land ?

Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растутъ,
Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,
Цвѣтеть лимонъ и апельсинъ златой
Какъ жаръ горитъ подъ зеленью густой?...
Ты знаешь край?... Туда, туда съ тобой
Хотѣла-бъ я укрыться, милый мой!...

Ты знаешь высь съ стезей по крутизнамъ,
Лошакъ бредеть въ туманѣ, по скаламъ,
Въ ущельяхъ горъ отродье змѣй живетъ,
Гремитъ обвалъ и водопадъ реветъ?...
Ты знаешь путь?... Туда и намъ съ тобой
Слѣдъ проложенъ: уйдемъ, властитель мой!

XLV.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Es lächelt der See.

Съ озера вѣтъ прохлада и нѣга —
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у берега.

Блаженные звуки
Онъ слышитъ во снѣ:
То ангеловъ лики
Поютъ въ вышинѣ.

И вотъ онъ очнулся отъ райскаго сна, —

Его обнимая, ласкаетъ волна,
И слышитъ онъ голосъ,
Какъ ропотъ струи:
«Приди, мой красавецъ,
Въ объятія мои!»

XLVI.

ПОМИНИ.

(Изъ Шиллера).

Пала царственная Троя,
Сокрушенъ Пріамовъ градъ,
И Ахейне, устроя
Свой на родину возвратъ,
На судахъ своихъ сидѣли,
Вдоль згейскихъ береговъ,
И псалъ хвалебный гѣли,
Громко слава всѣхъ боговъ...
Раздавайся гласъ побѣдный!
Вы къ брегамъ родной земли
Окрылитесь, корабли,
Въ путь возвратный, въ путь безбѣдный.

И сидѣла въ длинномъ строѣ
Грустно-блѣдная семья:
Жены, дѣвы падшей Тронъ,
Голоси и слѣзы лья,
Въ горѣ общемъ и великомъ,
Плача о себѣ самихъ,

И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ:

«Ждетъ насъ горькая неволя
Тамъ, вдали, въ странѣ чужой.
Ты прости, нашъ край родной
Какъ завидна мертвыхъ доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертвъ, Калхась,
Градозиждущей Палладѣ,
Градорушащей молясь
Посейдона силъ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ, эгидоносный
Зевсѣ, ступающій эфиръ!

Опрокинуть, уничтожень
Градъ великій Иліонъ!
Долгій, долгій споръ рѣшенъ —
Судъ безсмертныхъ непреложень.

Грозныхъ полчищъ воевода,
Царь царей, Атревъ сынъ,
Обозрѣлъ толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.
И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ:

Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ поидетъ назадъ.

Такъ возвысьте-жь гласъ хвалебный,
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный!

Но не всемъ сужденъ отъ Бога
Мирный, радостный возвратъ:
У домашнего порога
Многихъ кѣры сторожать....
Живъ и цѣль вернулся съ бою —
Гибнетъ въ хранилѣ своей!
Рекъ Аонной всеблагою
Вдохновенный Одиссей....

Тотъ лишь домъ и твердь и прочесть,
Гдѣ семейный свять уставъ;
Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ и порочень.

И супругой, взятой съ бою,
Снова счастливый Атридъ,
Пышный станъ обвивъ рукою,
Страстный взоръ свой веселить.
Злое злой конецъ пріемлетъ!
За несчастьемъ казнь слѣдитъ—

Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ!

Право царствуетъ Кронидъ....

Злой конецъ началу злomu!

Право правящій Кронидъ

Вѣроломцу страшно мстить

И семьѣ его и дому.

Хорошо любимцамъ счастья,—

Рекъ Аякса братъ меньшей,—

Олимпійцевъ самовластью

Величать своей хвалой!...

Неподвластно высшей силѣ

Счастью въ прихотяхъ своихъ:

Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,

А Терситъ еще въ живыхъ!....

Счастью жеребья съветъ

Своевольною рукой.

Веселись и пѣсни пой

Тотъ, кого свѣтило грѣбеть!

Будь утѣшенъ, братъ любимый!

Память вѣчная тебѣ!...

Ты—оцлотъ несокрушимый

Чадъ ахейскихъ въ ихъ борьбѣ!...

Въ день ужасный, въ день кровавый

Ты одинъ за всѣхъ стоишь!

Но не сильный, а лукавый

Мзду великую стяжалъ....

Не врага рукой побѣдной—

Отъ руки ты палъ своей....

Ахъ! и лучшихъ изъ людей

Часто губить гнѣвъ зловредный.

И твоей теперь державной

Тѣни, доблестный Пелидъ!

Сынъ твой Пирръ, воинъ славный,

Возліаніе творить....

Какъ тебя, о мой родитель,

Никого—онъ возгласилъ—

Зевсъ, великій промыслитель,

На землѣ не возносилъ.

На землѣ, гдѣ все измѣнно,

Выше славы блага нѣтъ.

Нашу персть—земля возьметъ,

Имя славное—нетлѣнно.

Хоть о падшихъ, побѣжденныхъ

И молчитъ побѣдный кликъ,

Но и въ родахъ отдаленныхъ,

Гекторъ, будешь ты великъ!...

Вѣчной памяти достоинъ,

—Сынъ Тидеевъ провѣщаль—

Кто, какъ честный, храбрый воинъ,

Край отцовъ спасая, палъ....

Честь тому, кто, не робѣя,
Жизнь за братій положилъ...
Побѣдитель побѣдилъ—
Слава падшаго святѣ!...

Старецъ Несторъ днесь, маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаетъ,
И сосудъ, плющомъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подастъ:
Выпей, мать, струи цѣлебной
И забудь весь свой уронъ!
Силень Вакха сонъ волшебный,
Дивно насъ врачуетъ онъ....

Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь судебъ законъ.
Дивно насъ врачуетъ онъ,
Бога Вакха даръ волшебный.

И Ниобы древней сила,
Горемъ злымъ удручена,
Сока дивнаго вкусила,
И угѣшилась она!
Лишь сверкнетъ въ застольной чашѣ
Благодатное вино,
Въ Лету рухнетъ горе наше
И пойдетъ какъ ключъ на дно.

Да, пока играетъ въ чашѣ
Всемогущее вино,
Горе въ Лету снесено,
Въ Летѣ тонетъ горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвѣстница жена,
И исполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она;
И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ:
Дымъ и паръ здѣсь все земное,
Вѣчности, боги, лишь у васъ!....

Какъ уходятъ клубы дыма,
Такъ уходятъ наши дни!
Боги, вѣчны вы одни,
Все земное идетъ мимо.

САКОНТАЛА.

(Изъ Гёте).

Что юный годъ даетъ цвѣтамъ —
 Ихъ дѣвственный румянецъ,
 Что зрѣлый годъ даетъ плодамъ —
 Ихъ царственный багрянецъ,
 Что нѣжить взоръ и веселитъ
 Какъ перль, въ моряхъ цвѣтуцій,
 Что грѣетъ душу и живитъ
 Какъ нектаръ всемогущій,
 Весь цвѣтъ сокровищницъ мечты,
 Весь полный цвѣтъ творенья,
 И, словомъ, небо красоты
 Въ лучахъ воображенья, —
 Все, все поэзія слила
 Въ тебѣ одной, *Саконтала*.

ИЗЪ ФАУСТА.

. . . . Фаустъ. . . . .
 Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ
 Сего часа благое достоянье?..
 Смотри, какъ хижины кругомъ
 Осыпало вечернее сіянье....
 День пережить, и къ небесамъ инымъ
 Свѣтило дня несеть животворенье....
 О, гдѣ крыло, чтобъ взвиться вслѣдъ за нимъ,
 Прильнуть къ его лучамъ, слѣдить его теченье!
 У ногъ моихъ лежитъ прекрасный міръ
 И, вѣчно-вечерѣющей, смѣется....
 Всѣ выси въ заревѣ, во всѣхъ долинахъ міръ,
 Сребристый ключъ въ златныя рѣки льется.
 Надъ цѣпью дикихъ горъ, лѣсистыхъ странъ
 Полетъ богоподобный вѣетъ,
 И ужъ вдали отерлся и свѣтлѣетъ
 Съ заливами своими океанъ....

Но свѣтлый богъ главу въ пучины клонить
И вдругъ крыла таинственная мочь
Вновь ожила и вслѣдъ за уходящимъ гонить,
И вновь душа въ потокахъ свѣта тонеть.
Передо мною день, за мною ночь,
У ногъ равнина водъ и небо надъ главою!..
Прекрасный сонъ!... и суетный!... прости!...
Къ крыламъ души, парящимъ надъ землею,
Не скоро намъ тѣлесныя найдти!..
Но сей порывъ, сіе и вверхъ и вдалѣ стремленье—
Оно природное внушенье,
У всѣхъ людей оно въ груди
И оживаетъ въ нихъ порою,
Когда весной, надъ нашей головою,
Изъ облаковъ пѣснь жавронка звенить,
Когда надъ крутизной лѣсистой
Орель, ширяся, парить,
Поверхъ озеръ иль степи чистой
Журавль на родину слѣшитъ....

XLIX.

ПРИВѢТСТВІЕ ДУХА.

(Изъ Гёте.)

На старой башнѣ, у рѣки,
Духъ рыцари стоитъ
И лишь завидитъ челноки,
Привѣтомъ ихъ даритъ:

«Кипѣла кровь и въ сей груди,
«Кулакъ былъ изъ свинца,
«И богатырскій мозгъ въ кости,
«И кубокъ до конца!

«Пробушеваль полжизни я.
«Другую проволокъ;
«А ты плыви, плыви, ладья,
«Буда несетъ потокъ!»

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

Любовники, безумцы и поэты
 Изъ одного воображенья слиты....
 Тотъ зреть бѣсовъ, какихъ и въ адѣ нѣтъ
 (Безумецъ то есть); сей, равно безумный,
 Любовникъ страстный, видитъ, очарованъ,
 Елены красоту въ цыганкѣ смуглой.
 Поэта око, въ свѣтломъ изступленьи,
 Круговращаясь, блещетъ и скользитъ
 На землю съ неба, на небо съ земли,
 И лишь создастъ воображенья виды
 Существъ невѣдомыхъ, поэта жезлъ
 Ихъ претворяетъ въ лица и даетъ
 Тѣнямъ воздушнымъ мѣстность и названье!

П Ъ С Н Я.

(Изъ Шекспира.)

Заревѣлъ голодный левъ,
 И на мѣсяцъ волею завылъ;
 День съ трудомъ преодолѣвъ,
 Бѣдный пахарь опочилъ.

Угли гаснутъ на кострѣ,
 Дико филинь прокричалъ
 И больному на одрѣ
 Скорый саванъ провѣшалъ.

Всѣ кладбища, сей порою,
 Изъ зияющихъ гробовъ,
 Въ сумракъ мѣсяца сырой
 Высылаютъ мертвецовъ!...

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Другъ, откройся предо мною:
Ты не призракъ ли какой,
Какъ выводить ихъ порою
Мозгъ поэта огневой!....

Нѣтъ, не вѣрю: этихъ щочекъ,
Этихъ глазокъ милый свѣтъ,
Этотъ ангельскій роточекъ
Не создастъ никакъ поэтъ.

Василиски и вампиры,
Конь крылатъ и змѣй зубастъ—
Вотъ мечты его кумиры,
Ихъ творить поэтъ гораздъ.

Но тебя, твой станъ эфирный,
Сихъ ланитъ волшебный цвѣтъ,
Этотъ взоръ лукаво-смирный—
Не создастъ никакъ поэтъ.

САСНЕ - САСНЕ.

Вотъ арфа ея въ обычномъ углу,
Гвоздики и розы стоятъ у окна,
Полуденный лучъ задремаль на полу:
Условное время! Но гдѣ же она?

О, кто мнѣ поможетъ шалунью сыскать,
Гдѣ, гдѣ приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, какъ бы благодать
Разлитую въ воздухъ, чувствую я.

Гвоздики не даромъ лукаво глядятъ,
Не даромъ, о розы, на вашихъ листахъ
Жарче румянецъ, свѣжѣй ароматъ:
Я понялъ, кто скрылся, зарылся въ цвѣтахъ!

Не арфы-ль твоей мнѣ послышался звонъ?
Въ струнахъ ли мечтаешь укрыться златыхъ?
Металль содрогнулся, тобой оживленъ,
И сладостный трепеть еще не затихъ.

Какъ пляшутъ пылинки въ полдневныхъ лучахъ
Какъ искры живыя въ родимомъ огнѣ!
Видалъ я сей пламень въ знакомыхъ очахъ,
Его упоенье извѣстно и мнѣ.

Влетѣлъ мотылекъ и съ цвѣтка на другой,
Притворно-безпечный, онъ началъ порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

LIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Изъ Байрона).

Какъ медлить путника вниманье
На холодныхъ камняхъ гробовыхъ,
Такъ привлечетъ друзей моихъ
Руки знакомой начертанье!...

Черезъ много, много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ:
«Его ужъ нѣту въ вашемъ кругѣ,
Но сердце здѣсь погребено!...»

СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.

(Изъ Гейне).

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
 Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣть,
 И сладко заснулъ онъ въ иистой мглѣ,
 И сонъ его вьюга лелѣть.

Про юную пальму все снится ему,
 Что въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
 Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
 Стоитъ и цвѣтетъ одинока....

(ИЗЪ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА).

Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ,
 Кто въ жизни, цѣлыми ночами,
 Стеня, на ложѣ не сидѣлъ, —
 Тотъ не знакомъ съ небесными властями!
 . . . . .
 Нѣтъ на землѣ проступка безъ отщепеня!

Кто хочетъ міру чуждымъ быть,
 Тотъ скоро будетъ чуждъ, —
 Ахъ, людямъ есть кого любить,
 Что имъ до нашихъ нуждъ!

Такъ! что вамъ до меня!
 Что вамъ бѣда моя!
 Она лишь про меня—
 Съ ней не разстанусь я!

Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ:
 «Откликнись, другъ милый, одна-ль?»

Такъ бродить и ночью и днемъ,
Кругомъ меня тоска,
Кругомъ меня печаль!...
Ахъ, развѣ лишь въ гробу
Отъ нихъ укрыться мнѣ —
Въ гробу, въ землѣ сырой —
Тамъ бросать и оны!...

LVII

ПѢСНЬ СКАНДИНАВСКИХЪ ВОИНОВЪ.

Хладенъ, свѣтеть,
День проснулся—
Ранній петель

Встрепенулся—
Дружина, воспрянь!

Вставайте, о други!

Бодрѣй, бодрѣй

На пиръ мечей,

На брань!...

Предъ нами нашъ вождь!

Мужайтесь, о други,—

И вслѣдъ за могучимъ

Ударимъ грозой!...

Вихремъ помчимся,

Сквозь тучи и громъ,

Къ солнцу побѣды

Вслѣдъ за орломъ!...

Гдѣ битва мрачнѣе, воители чаще,
Гдѣ срослися щиты, гдѣ сплелися мечи,
Туда онъ ударить—перунъ всесдробящій—
И слѣдъ огневъзвздный и кровью горящій
Прорветъ дружинѣ въ желѣзной ночи.

За нимъ, за нимъ—въ рды враговъ
Смѣлѣй, друзья, за щимъ!...
Какъ груды скалъ, какъ море льдовъ—
Прорвемъ ихъ и стѣснимъ!

Хладенъ, свѣтель,
День проснулся—
Ранній петель
Встрепенулся —
Дружина, воспрянь!

Не кубокъ кипящій душистаго меда
Румяное утро героямъ вручить;
Не сладостныхъ женъ любовь и бесѣда
Вамъ душу согрѣетъ и жизнь оживитъ;
Но вась, обновленныхъ прохладою сна,
Кровавая битвы подыметъ волна!...

Дружина, воспрянь!...
Смерть или побѣда!...
На брань!...

КЪ НИСѢ.

Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!
Ты презрѣла дружинъ гласъ,
Ты поклонниковъ толпою
Оградилася отъ насъ.

Равнодушно и безопасно,
Легковѣрное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу вѣрность промѣняла
На невѣрный блескъ, пустой,—
Нашихъ чувствъ тебѣ, знать, мало:
Ниса, Ниса, Богъ съ тобой!

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Душой весны природа ожила,
 И блещетъ все въ торжественномъ покоѣ:
 Лазурь небесъ и море голубое,
 И дивная гробница и скала!
 Древа кругомъ покрылись новымъ цвѣтомъ,
 И тѣни ихъ, средь общей тишины,
 Чуть зыблются дыханіемъ волны
 На мраморѣ, весною разогрѣтомъ....

Давно-ль умолкъ Перунъ его побѣдъ,
 И гулъ отъ нихъ стоитъ доселѣ въ мірѣ....
 И умъ людей великой тѣнью полнъ,
 А тѣнь его, одна, на брегѣ дикомъ,
 Чужда всему, внимасть шуму волнъ
 И тѣшится морскихъ пернатыхъ крикомъ...

Живымъ сочувствіемъ привѣта,
 Съ недостижимой высоты,
 О, не смущай, молю, поэта!
 Не ищущай его мечты!

Всю жизнь въ толгѣ людей затерянь,
 Порой, доступенъ ихъ страстямъ,
 Поэтъ, я знаю, суетѣренъ,
 Но рѣдко служитъ онъ властямъ.

Передъ кумирами земными
 Проходитъ онъ главу склонивъ,
 Или стоитъ онъ передъ ними
 Смущенъ и гордо-боязливъ.

Но если вдругъ живое слово
 Съ ихъ устъ, сорвавшись, упадетъ,
 И сквозь величія земнаго
 Вся прелесть женщины мелькнетъ,

И человѣческимъ сознаньемъ
Ихъ всемогущей красоты
Вдругъ озарятся, какъ сіяньемъ,
Излишно-дивныя черты, —

О, какъ въ немъ сердце пламенѣть!
Какъ онъ восторженъ, умиленъ!
Пускай служить онъ не умѣетъ, —
Боготворить умѣетъ онъ!

(Мюнхенъ 1840 г.)

LXI.

БЪ ГАНКЪ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбредлись во всѣ концы.

А случилось ли, порою,
Намъ столкнуться какъ-нибудь, —
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодь сторичный принесло:

Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезьязчилъ Нѣмецъ,
Этихъ—Турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ малеъ въ потьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ за Ураль.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ!

И парѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ,—
На яву увидятъ звуки
То, что снилося отцамъ!

1841 г.

**ПРИПИСКА, СДѢЛАННАЯ ВЪ 1867 г., ВО ВРЕМЯ ПЕР-
ВАГО СЛАВЯНСКАГО СЪѢЗДА ВЪ РОССИИ.**

Такъ взывалъ я, такъ гласилъ я,
Тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ ушло:
Все упорнѣе усилъя,
Все назойливѣе зло.

Ты, стоящій днесъ предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣнь—
Будь вся жизнь твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день.

За твое же постоянство
Въ нескончаемой борьбѣ,
Первый праздникъ всеславянства
Приношеньемъ будь тебѣ!....

LXII.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
 Мѣста печальныя, хотъ и родныя,
 Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
 И гдѣ теперь туманными очами,
 При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
 Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ немощный и смутный
 Забытаго, загадочнаго счастья!...
 О, какъ теперь безъ вѣри и участя
 Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
 Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
 Какъ братъ меньшей, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
 Былъ для души моея родимымъ краемъ, —
 Не здѣсь разцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
 Великій праздникъ молодости чудной!
 Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
 То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ.

LXIII.

Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
 Какъ Исаака великана,
 Во мглѣ морознаго тумана,
 Свѣтился куполь золотой.

Всходили робко облака
 На небо зимнее ночное,
 Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
 Оледенѣлая рѣка.

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
 Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣеть,
 Теперь на солнцѣ пламенѣтъ
 Роскошный Генуи заливъ....

О, сѣверъ, сѣверъ-чародѣй.
 Иль я тобою околдованъ?
 Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
 Къ гранитной полосѣ твоей?

О, еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый югъ.

12 ноября 1844 года.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ.

На солнцѣ-ль радужно блистая,
Иль ночью въ поздней темнотѣ,
Но всѣ, неизбѣжно талъ,
Онѣ плывутъ къ одной метѣ.

Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!...

О, нашей мысли обольщенье,
Ты — человѣческое л!
Не таково-ль твое значенье,
Не такова-ль судьба твоя?

Не даромъ милосердымъ Богомъ
 Пугливой птичка создана:
 Спасеня вѣрнаго залогомъ
 Ей робость чуткая дана.

И пѣть для бѣдной птички проку
 Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людской:
 Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року —
 Не сдобровать подъ ихъ рукой....

Вотъ птичку дѣвушка вскормила
 Отъ первыхъ перушекъ съ гнѣзда,
 Взлелѣяла и возростила
 И не жалѣла, не щадила,
 Для ней ни ласки, ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной
 Ты, дѣва, ни пеклась о ней,
 Настанетъ день, день непреложный:
 Питомецъ твой неосторожный
 Погибнетъ подъ ногой твоей....

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
 Намъ все мерзить, и жизнь, какъ камень гряда,
 Лежить на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
 Намъ на душу отрадное дохнетъ,
 Минувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ
 И страшный грузъ минутно приподниметъ.
 Такъ иногда, весеннею порой,
 Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
 Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы, —
 Вдругъ вѣтръ подуетъ, теплый и сырой,
 Опавшій листъ погонитъ предъ собою
 И душу намъ область какъ бы весною.

LXVII.

Вдали от солнца и природы,
 Вдали от свѣта и искусства,
 Вдали от жизни и любви,
 Мелькнуть твои молодые годы,
 Живые помертвѣютъ чувства,
 Мечты развѣются твои.

И жизнь твоя пройдетъ незрима
 Въ краю безлюдномъ, безмянномъ,
 На незамѣченной землѣ,—
 Какъ исчезаетъ облакъ дыма,
 На небѣ тускломъ и туманномъ,
 Въ осенней беспредѣльной мглѣ...

LXVIII.

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ!
 Какъ тѣнь вину скользитъ неуповимо!
 Вотъ наша жизнь, — промолвила ты мнѣ, —
 Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
 А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!

LXIX.

С Л Е З Ы.

O lacrimarum fons....
Gray.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искрометныхъ винъ,
Или плодовъ между листьями
Благоухающей рубинъ.

Люблю смотрѣть, когда созданье
Какъ бы погружено въ веснѣ,
И мнръ заснулъ въ благоуханнѣ
И улыбается во снѣ!...

Люблю, когда лицо прекрасной
Весеннй воздухъ пламенитъ,
То кудрей шелкъ взвѣваетъ сладострастный,
То въ ямочки выпивается ланитъ!

Но что всё прелести паоосскія царицы,
И гроздй сокъ и запахъ розъ,
Передъ тобой, святой источникъ слезъ,
Роса божественной денницы!...

Небесный лучъ играетъ въ нихъ
И, преломясь о капли огневны,
Рисуетъ радуги живыя
На тучахъ жизни громовыхъ.

И только смертнаго зенищъ
Ты, ангель слезъ, дотронешься крылами —
Туманъ разсѣется слезами,
И небо серафимскихъ лицъ
Вдругъ разовьется предъ очами.

П Л А В А Н І Е.

На равнинѣ водъ лазурной
 Шли мы вѣрною стезей;
 Огнедышщій и бурный
 Уносилъ насъ змѣй морской.

Съ неба звѣзды намъ свѣтили,
 Снизу искрилась волна,
 И мятелю влажной пыли
 Обдавала насъ она.

Мы на палубѣ сидѣли....
 Многихъ сонъ одолѣвалъ....
 Все звучнѣй колеса пѣли,
 Разгребая шумный валь.

Приутихъ нашъ кругъ веселій,
 Женскій говоръ, женскій шумъ....
 Подпираетъ локоть бѣлый
 Много милыхъ, сонныхъ думъ.

Сны играютъ на просторѣ
 Подъ магической луной,
 И баюкаетъ ихъ море
 Тихо-струйною волной.

А теперь въ волнахъ забвенья
Сколько брошенныхъ колець!
Миновались поколѣнья, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цѣпи наконецъ!

— 101 —
LXXI.
ВЕНЕЦІЯ.

Дождь Венеціи свободный
Средь лазоревыхъ зыбей,
Какъ женихъ порфирородный,
Достолавно, всепародно
Обручался ежегодно
Съ Адриатикой своей.

И не даромъ въ эти воды
Онъ кольцо свое бросалъ:
Вѣки цѣлме, не годы,
Дивовались народы....
Чудный перстень воеводы
Ихъ вязалъ и чаровалъ.

И чета въ любви и мирѣ
Много славы нажила.
Вѣка три или четыре,
Все могучѣе и шире,
Разросталась въ цѣломъ мирѣ
Тѣнь отъ львиного крыла.

РИМЪ НОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.
 Взошла луна и овладѣла имъ,
 И спящій градъ, безлюдно величавый,
 Наполнила своей безмолвной славой.
 Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
 Какъ съ ней сроднился Рима вѣчный прахъ!
 Какъ будто лунный мѣръ и градъ почившій —
 Все тотъ же мѣръ, волшебный, но отжившій!...

Подъ дыханьемъ непогоды
 Вздуншись, потемнѣли воды
 И подернулись свинцомъ,
 И сквозь глинецъ ихъ суровый,
 Вечеръ пасмурно-багровый
 Свѣтитъ радужнымъ лучомъ,

Сыплетъ искры золотыя,
 Съестъ розы огневыя —
 И уносить ихъ потокъ.
 Надъ волной темно-лазурной
 Вечеръ пламенный и бурной
 Обрываетъ свой вѣнокъ....

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

Листъ зеленѣетъ молодой:
 Смотри, какъ листемъ молодымъ
 Стоять обвѣяны березы,
 Воздушной зеленью сквозной,
 Полу-прозрачною какъ дымъ.
 Давно имъ грезилось весной,
 Весной и лѣтомъ золотымъ,
 И вотъ живыя эти грѣзы,
 Подъ первымъ небомъ голубымъ,
 Пробились вдругъ на свѣтъ дневной.
 О, первыхъ листьевъ красота,
 Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,
 Съ новорожденною ихъ тѣнью!
 И слышно намъ по ихъ движенью,
 Что въ этихъ тысячахъ и тѣмахъ
 Не встрѣтишь мертваго листа.

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,
 Когда, взметая прахъ летучій,
 Гроза нахлынувшая тучей
 Смутитъ небесную лазурь,
 И опрометчиво-безумно
 Вдругъ на дубраву набѣжитъ, —
 И вся дубрава задрожитъ
 Широколиственно и шумно!
 Какъ подъ незримую пятой
 Лѣсные гнутся исполины;
 Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
 Какъ совѣщаясь межъ собой, —
 И сквозъ внезапную тревогу
 Немолчно слышенъ птицй свистъ,
 И кой-гдѣ первый желтый листъ,
 Крутясь, слетаетъ на дорогу....

ЛХХVІ.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!...
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Ублєнныя луной!

ЛХХVІІ.

ГРОЗА ДОРОГОЙ.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой...
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и лезучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Изподлобья на поля,—
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

LXXVIII.

МОРЕ И УТЕСЬ.

(1848 г.)

И бунтуеть и клокочеть,
Плещеть, свищеть и реветь,
И до звѣздъ допринуть хочеть,
До неизблемныхъ высотъ!
Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь гіенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнь неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волнь не обуянь,
Неподвижный, неизмѣнный,
Мірозданью современный,
Ты стоишь, нашъ велигань!

И озлобленная боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ боемъ
На гранитъ громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валь отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....

Стой же ты, утесъ могучій!
Обожди лишь часъ другой —
Надоѣсть волнѣ гремячей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣеть вновь она,
И безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою,
Вновь уляжется волна.

LXXIX.

НАПОЛЕОНЪ.

1.

Слынь революціи! ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ.
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!...
Бой невозможный, трудъ напрасный!...
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!...

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди—змѣи вились....
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ:
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
По освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила

И не приблизилась къ нему...
Онъ былъ земной, не божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щелъ разбилъ утлый чолнъ!..

3.

И ты стоялъ, — передъ тобой Россія! —
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:

«Да сбудутся ей судьбы!!!...»

И не напрасно было заклинанье —
Судьба откликнулась на голосъ твой!
Но новою загадкою въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой.
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты наконецъ...
Но чутокъ сонъ, и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ,
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
Передразвѣтннй вѣтерокъ!

LXXX.

ДВА ГОЛОСА.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчать въ вышннхъ;
Подъ вами могилы — молчать и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги: —
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердець...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!
Надъ вами безмолвные звѣздные круги.
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай Олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердець:
Кто ругая палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдннй вѣнецъ.

КОЛУМБЪ.

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
 Чертежъ земной ты выполнившій смѣло
 И довершившій, наконецъ,
 Судебъ неконченное дѣло!
 Ты завѣсу расторгъ всеильною рукой —
 И новый міръ, невѣдомый, неожиданный,
 Изъ безпредѣльности туманной
 На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
 Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
 Союзомъ кровнаго родства
 Разумный геній человѣка
 Съ живою силой естества.—
 Скажи завѣтное онъ слово —
 И міромъ новымъ естество
 Всегда откликнуться готово
 На голосъ родственный его.

ПОЭЗІЯ.

Среди громовъ, среди огней,
 Среди клокочущихъ зыбей,
 Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
 Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
 Небесная — къ земнымъ сынамъ,
 Съ лазурной ясностью во взорѣ,
 И на бунтующее море
 Льетъ примирительный елей.

LXXXIII.

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой
И въ сумракѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный....
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

LXXXIV.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНІЕ.

О, не кладите меня
Въ землю сырую:
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.
Пускай дыханье вѣтерка
Шевелитъ травую,
Свирѣль поетъ издалека,
Свѣтло и тихо облака
Плывутъ надо мною.

LXXXV.

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной:

А ужь давно звучнѣе и полигнѣ
Пернатыхъ пѣснь по роцѣ раздалася,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленныя вершины уперлася!...

~~~~~

LXXXVI.

ГРАФИНЪ РОСТОПЧИНОЙ.

(Въ отвѣтъ на ея письмо).

Какъ подь сугробомъ снѣжнымъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ зарытый, но живой!

И вотъ я чую, надо мною,
Не на яву и не во снѣ,
Какъ бы повѣяло весною,
Какъ бы запѣло о веснѣ!...

Знакомый голосъ, голосъ чудный,
То лирный звукъ, то женскій вздохъ....
Но я, лѣнивецъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ....

Я спалъ, въ оковахъ тяжелой лѣни,
Подь осьми-мѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ стигійской роковой.

Но этотъ сонъ полу-могильный,
Какъ надо мной ни тяготѣлъ,
Онъ самъ же, чародѣй всесильный,
Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ.

Пріязни давней выраженья, —
Ихъ для меня онъ уловилъ
И въ музыкальнныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ....

Вотъ вижу я, какъ бы сквозь дымки,
Волшебный садъ, волшебный домъ....
И въ замкѣ феи-невидимки
Вдругъ очутились мы вдвоемъ, —

Вдвоемъ! и пѣснь ея звучала,
И отъ завѣтнаго крыльца
Гнала и буйнаго нахала,
Гнала и пошлаго лъстеца.

(1850 г.)

LXXXVII.

НА НЕВѢ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыби нескыхъ волнъ,
И опять любовь въфряетъ
Ей таинственный свой чолнъ.

И межъ зыбью и звѣздою
Онъ скользитъ, какъ бы во снѣ,
И два призрака съ собою
Вдалъ уноситъ по волнѣ.

Дѣти-ль это празднои лѣни
Тратятъ здѣсь досугъ почной,
Иль блаженныя двѣ тѣни
Покидаютъ миръ земной?

Ты, разлитая какъ море,
Пышно-струйная волна,
Приюти въ твоємъ просторѣ
Тайну скромнаго челна!

Юль 1850 г.

LXXXVIII.

(1850 г.)

Ужь третій годъ бѣснуются языки;
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стая дикихъ птицъ передъ грозой,
Тревожнѣй шумъ, разногласнѣй крики.

Въ раздумьи грустномъ князи и владыки,
И держать вожжи трепетной рукой;
Подавленъ умъ зловѣщею тоской;
Мечты людей, какъ сны больного, дичи.

Но съ нами Богъ!... сорвавшись со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина,—
Но твоего не помutilа зрака....
Вѣтръ свирѣпѣлъ; но.... *да не будетъ тако,*
Ты рекъ—и вспять отхлынула волна.

LXXXIX.

РАЗСВѢТЪ.

(Писано въ 1850 году.)

Не въ первый разъ кричить пѣтухъ,—
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужь мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчать колокола,
А ужъ востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужь близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужь не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградъ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветь и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнивъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

хс.

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вождельбный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся-жь эти двѣ—
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ.....

(1830 г.)

Нѣтъ, карликъ мой, трусь безпримѣрный,
 Ты, какъ ни жмись, какъ ни трусь,
 Своей душою маловѣрной
 Не соблазнишь святую Русь.....

Иль всё святѣя упованья,
 Всѣ убѣжденья истребя,
 Она отъ своего призванья
 Вдругъ отречется для тебя?....

Иль такъ ты дорогъ Провидѣнью,
 Такъ друженъ съ нимъ, — такъ за-одно,
 Что дорожа твоею лѣнью,
 Вдругъ остановится оно?.....

Не вѣрь въ святую Русь кто хочетъ,
 Лишь вѣрь она себя самой —
 И Богъ побѣды не отсрочить
 Въ угоду трусости людской.

То, что обѣщано судьбами
 Ужь въ колыбели было ей,
 Что ей завѣщено вѣками
 И вѣрой всёхъ ея царей, —

То, что Олеговы дружины
 Ходили добывать мечомъ,
 То, что орелъ Екатерины
 Ужь прикрывалъ своимъ крыломъ, —

Вѣнца и скиптра Византии
 Вамъ не удастся насъ лишить!
 Всемирную судьбу Россіи —
 Нѣтъ — вамъ ея не зарудить!....

(1850 г.)

ХСН.

День вечерѣть, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака,
Ужь поздно. Вечерѣть день.

Но мнѣ не страшень мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня, —
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!...

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? откуда? какъ рѣшить:
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, можетъ-быть, —
Но съ страстной женскою душой.

1 ноября 1851 г.

ХСН.

Сіяеть солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И мѣръ, цвѣтущій мѣръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй —
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей....

ХСІV.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало....

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И свозъ бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею....

ХСV.

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный
Какъ золотой коверъ она свила, —
Коверъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, виѣшній міръ ушелъ....
И человекъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое....

ХСVI.

С Л Е З Ы.

Слезъ людскія, о слезъ людскія,
Лететь вы ранней и поздней порой, —
Лететь безвѣстныя, лететь незримы,
Неистоимыя, неисчислимыя, —
Лететь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

~~~~~

ХСVII.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жарь и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредеть по жаркой мостовой; —

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ; злать долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепрѣимной
Деревя сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манить,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжить.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо сада,
Бредетъ по знойной мостовой.

ХСVIII.

Какъ ни дышетъ полдень знойный
Въ растворенное окно,—
Въ этой храминѣ спокойной,
Гдѣ все тихо и темно,

Гдѣ живыя благовонья
Бродить въ сумрачной тѣни,
Въ сладкій сумракъ полусонья
Погрузись и отдохни.

Здѣсь фонтанъ неутомимый
День и ночь поетъ въ углу
И кропитъ росой незримой
Очарованную мглу.

И въ мерцаньи полусвѣта,
Тайной страстью занята,
Здѣсь влюбленнаго поэта
Вѣетъ легкая мечта.

ХСІХ.

Вновь твои я вижу очи,
И одинъ твой южный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ....
Воскресаетъ предо мною
Край иной — родимый край,
Словно прадѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай.

Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ-подъ мраморныхъ аркадъ.

^Н
Сювидѣнемъ безобразнымъ
Скрылся сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной;

Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Не говори: меня онъ какъ и прежде любить,
 Какъ прежде, мною дорожить....
 О, вѣтъ! онъ жизнь мою безчеловѣчно губить,
 Хоть вижу—ножь въ руцѣ его дрожить.

То въ гнѣвѣ, то въ слезахъ, тоскуя, негодуя,
 Увлечена, въ душѣ уязвлена,
 Я страдаю, не живу... имъ, имъ однимъ живу я;
 Но эта жизнь—о, какъ горька она!

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно,
 Не мѣрятъ такъ и лютому врагу....
 Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
 Могу дышать, но жить ужъ не могу.

О, не тревожь меня укорой справедливой:
 Повѣрь, изъ насъ изъ двухъ завидѣй часть твоя:
 Ты любишь искренно и пламенно, а я—
 Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.

И жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ
 Мною созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою
 И самого себя, краснѣя, сознаю
 Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

СН.

Чему молилась ты съ любовью,
Что какъ святню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей.

Ахъ, еслибы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Везсмертной пошлости людской!

СН.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрше губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Давно-ль, гордись своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя....
Годъ не прошелъ, спроси и свидѣй,
Что уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланить дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своею.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи
И смѣхъ младенчески-живой?

И что-жь теперь? И гдѣ все это?
И долговѣченъ ли былъ сонъ?

Увы, как сѣверное лѣто
Быль мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались воспоминанья....
Но измѣнили и онѣ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло....
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.

И что-жь отъ долгаго мученья
Какъ пеняль сберечь ей удалось? —
Боль, жаю боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣ губимъ,
Что сердцу нашему милѣй.

СІУ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суетвѣрнѣй...
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродить сіянье,
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность....
О, ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

су.

MOBILE COMME L'ONDE.

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ, покоясь или играя,
Чудной жизни ты полна, —

Ты на солнце ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Или мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ!

Сладокъ мнѣ твой тихій шопоть,
Полный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны вѣщіе твои.

Будь вѣрна стихіи бурной —
То угрюма, то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, какъ даръ завѣтный,
Въ зыбь твою я опустилъ,
И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Нѣтъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живую
Схоронилъ на днѣ твоемъ.

Апрѣля 1852 г.

СVI.

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
 Опорожнены амфоры,
 Опрокинуты корзины,
 Не допиты въ кубкахъ вина,
 На главахъ вѣнки измяты, —
 Лишь курились ароматы
 Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
 Кончивъ пиръ, мы поздно встали:
 Звѣзды на небѣ сіяли,
 Ночь достигла половины....

Какъ надъ безпокойнымъ градомъ,
 Надъ дворцами, надъ домами,
 Шумнымъ уличнымъ движеніемъ,
 Съ тускло-рдянымъ освѣщеніемъ,
 И безумными толпами, —
 Какъ надъ этимъ дольнымъ чадомъ,
 Въ черномъ, выпрѣннемъ предѣлѣ,
 Звѣзды чистыя горѣли,
 Отвѣчая смертнымъ взглядамъ
 Непорочными лучами!

СVII.

Обвѣявъ вѣщею дремотой,
 Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
 Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
 Блестя осенней позолотой,
 Еще на вѣтѣхъ шелеститъ.

Гляжу съ участіемъ умиленнымъ,
 Когда, пробившись изъ-за тучъ,
 Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
 Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило,
 Какая прелесть въ немъ для насъ,
 Когда, что такъ цвѣло и жило,
 Теперь такъ немощно и хило,
 Въ послѣдній улыбнется разъ!....

ПРЕДОПРЕДВЛЕНІЕ.

Любовь, любовь, — гласитъ преданье, —
 Союзъ души съ душой родной,
 Ихъ соединенье, сочетанье,
 И роковое ихъ слиянье,
 И поединокъ роковой.
 И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
 Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
 Тѣмъ неизбежнѣй и вѣрнѣе,
 Любя, страдая, грустно мля,
 Оно изноетъ наконецъ.

Я очи зналъ, — о, эти очи!
 Какъ я любилъ ихъ — знаетъ Богъ!
 Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
 Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
 Жизнь обнажающемъ до дна,
 Такое слышалось горе,
 Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
 Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
 Какъ наслажденье — утомленный
 И какъ страданье — роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
 Ни разу мнѣ не довелось
 Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
 И любоваться имъ безъ слезъ.

СХ.

ПРОВЪЗЖАЯ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

(1853 г.)

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой —
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней выпустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли бывшее, Нѣманъ, —
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ — могучій, южный демонъ, —
И ты какъ пинъ протекать,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами?

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли, —
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь Одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной
Стоялъ Другой — стоялъ и ждалъ....
И мимо проходила рать —
Все грозно-боевыя лица, —
И неизбѣжная Десница
Клала на нихъ свою печать.

Итакъ, побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки
И барабаны заливались....
Несмѣтно было ихъ число....
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое....

~~~~~

СХІ.

НАШЪ ВѢКЪ.

Москва, 30 Іюля 1853 года.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуеть,
Онъ къ свѣту рвется изъ почной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуеть.

Безвѣріемъ палимъ и изсушень,
Невыносимое онъ днесъ выносить....
И сознаеть свою погибель онъ,
И жаждеть вѣры.... но о ней не просить.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбять предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему невѣрью!...»

СХІІ.

НА СМЕРТЬ ЖУКОВСКАГО.

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ;
Послѣдній разъ прощаясь съ тобой,
Я любовался имъ: и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли —
Твои, поэтъ, прощальные лучи....
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужь звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ!
Цвѣтущія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По-истинѣ, какъ голубь чистъ и цѣль
Онъ духомъ былъ, хоть мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять ее умѣлъ,—
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубинный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтилъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

И этотъ-то души высокій строй,
Сздавшій жизнь его, проникшій лру,
Какъ лучший плодъ, какъ лучший подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли мѣръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны-ль мы священнаго залога?...
Иль не про насъ сказало Божество:
«Лишь сердцемъ чистые—тѣ узрять *Бога*»

СХІІІ.
ПРОВЛЕСЕЪ.

Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арфы легкой звонъ,
Когда полночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожитъ сонъ?

То потрясающіе звуки,
То замирающіе вдругъ....
Какъ бы послѣдній ропоть муки
Въ нихъ, отозвавшись, потухъ.

Дыханье каждое зефира
Взрываетъ скорбь въ ея струнахъ....
Ты скажешь: ангельская лира
Грустить, въ пыли, на небесахъ.

О, какъ тогда съ земнаго круга
Душой къ бессмертному летимъ!
Минувшее, какъ призракъ друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.

Какъ вѣримъ вѣрою живою,
Какъ сердцу радостно, свѣтло!
Какъ бы эфирною струею
По жиламъ небо протекло!

Но, ахъ, не намъ его судили;
Мы въ небѣ скоро устаемъ, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Едва усилимъ минутнымъ
Прервемъ на часъ волшебный сонъ,
И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ, —

И отягченною главою,
Однимъ лучомъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихій одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

Не разсуждай, не хлопочи...
 Безумство ищеть, глупость судить;
 Дневныя раны сномъ лечи,—
 А завтра быть тому, что будетъ.
 Живя, умѣй все пережить:
 Печаль, и радость, и тревогу.
 Чего желать, о чемъ тужить?
 День пережить—и слава Богу.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
 Въсть родилась не въ нашемъ родѣ—
 То древній гласъ, то свышегласъ:
 «Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ,—
 Свершится онъ и грянетъ часъ!
 И своды древнія Софiи
 Въ возобновленной Византiи
 Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!...»
 Пади предъ нимъ, о Царь Россiи,
 И встань какъ всеславянскiй Царь!

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Молитва магометанъ.

«Аллахъ! пролей на насъ твой свѣтъ!
 Краса и сила правовѣрныхъ!
 Гроза гяуровъ лицемѣрныхъ!
 Пророкъ твой—Магометъ!.....»

Молитва Славянъ.

«О, наша крѣпость и оплотъ!
 Великій Богъ! веди насъ пниѣ,
 Какъ нѣбогда Ты вель въ пустынѣ
 Свой избранный народъ!.....»

Глухая полночь! Все молчить!
 Вдругъ.... изъ-за тучъ луна блеснула
 И надъ воротами Стамбула
 Олегъ озарила щить.

1854 г.

Какое лѣто, что за лѣто!
 Да это, просто, колдовство,
 И какъ, прошу, далось намъ это
 Такъ ни съ того и ни съ чего?....

Гляжу тревожными глазами
 На этотъ блескъ, на этотъ свѣтъ:
 Не издѣваются-ль надъ нами?
 Откуда намъ такой привѣтъ?

Увы, не такъ ли молодая
 Улыбка женскихъ устъ и глазъ,
 Не восхищая, не прельщая,
 Подъ старость лишь тревожить насъ.....

1854 г.

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней, въ роковой борьбѣ,
Не измѣни же ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ....

Декабря 1854 года.

СХІХ.

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово русское, родное!
Созрѣла жатва, жнецъ готовъ,
Настало время не земное.....

Ложь воплотилася въ булатъ,
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозить испроверженьемъ....

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнь,
Тебѣ пророчать посямленье,—
Ты — лучшихъ, будущихъ временъ
Глаголь, и жизнь, и просвѣщенье!

НА НОВЫЙ 1855 ГОДЪ.

- Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ....
Я не свое тебѣ открою,
- А бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли:
Гроза реветъ, гроза растеть,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

- Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
• Несеть онъ людямъ на землѣ.

- Не просто будетъ онъ воитель,
• Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершить, какъ поздній мститель,
• Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ — сраженій мечъ кровавый,
• Другой — сѣкира палача.

Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?....
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный стонъ.

Вотъ отъ моря и до моря
 1 Нить желѣзная бѣжить,
 Много славы, много горя
 2 Эта нить порой вѣстить.

И за ней слѣдя глазами,
 Путникъ видитъ, какъ, порой,
 Птицы вѣщія садятся
 Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
 Прилетѣлъ и сѣлъ на ней,
 Сѣлъ и каркнулъ и крылами
 Замахалъ онъ веселѣй.

И кричитъ онъ, и ликуеть,
 И кружится все надъ ней:
 Ужь не кровь ли воронъ чуетъ
 Севастопольскихъ вѣстей?....

1853 г.

**ПО СЛУЧАЮ ПРИѢЗДА АВСТРІЙСКАГО ЭРЦГЕРЦОГА
 НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.**

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
 Безумству также мѣра есть....
 Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
 Не все же можно перенести!

И какъ не грянетъ отовсюду
 Одинъ всеобщій кличъ тоски:
 Прочь, прочь австрійскаго Іуду
 Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
 И весь «апостольскій» ихъ родъ
 Будь заклеименъ однимъ прозваньемъ:
 Искаріотъ, Искаріотъ!

1855 г.

170
СХХІІІ.

Эти бѣдныя селеня,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозить и тайпо свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

~~~~~

СХХІV.

СОНЕТЪ МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

(Переволь)

Молчи, прошу, не смѣй меня будить!
О, въ этотъ вѣкъ преступный и распутный,
Не жить, не чувствовать, удѣлъ завидный,—
Отраднѣ спать, отраднѣи камнемъ быть!

1833 г.

~~~~~

СХХV.

Увы, что нашего незнанья
И безпомощнѣи и грустнѣи?
Кто смѣетъ молвить: до свиданья!
Черезъ бездну двухъ, или трехъ дней?

1833 г.

~~~~~

О, вѣщая душа моя,
 О, сердце полное тревоги,
 О, какъ ты бьешься на порогѣ
 Какъ бы двойнаго бытія!...

Такъ, ты жилище двухъ міровъ,
 Твой день — болѣзненный и страстный,
 Твой сонъ — пророчески-неясный,
 Какъ откровеніе духовъ....

Пускай страдальческую грудь
 Волнуютъ страсти роковыя,—
 Душа готова, какъ Марія,
 Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

1855 г.

ГР.-РАСТОПЧИНОЙ.

О, въ эти дни — дни роковые,
 Дни испытаній и утратъ,—
 Отраднѣ будь для ней возвратъ
 Въ мѣста душѣ ея родныя!

Пусть добрый, благосклонный геній
 Скорѣй ведетъ на встрѣчу къ ней
 И горсть живыхъ еще друзей,
 И столько милыхъ, милыхъ тѣбей!

16-го октября 1855 г.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Надъ этой темною толпой
 Непробужденнаго народа
 Взойдешь ли ты когда, свобода,
 Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
 И сонъ разгонитъ и туманы....
 Но старья, гнилыя раны,
 Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
 Чтò гложетъ умъ и въ сердцѣ поеть...
 Кто ихъ излѣчить, кто прикроетъ?—
 Ты, риза чистая Христа.....

1857 г.

Есть въ осени первоначальной
 Короткая, но дивная пора:
 Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
 И лучезарны вечера.....

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колось,
 Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ,—
 Лишь паутины тонкій волосъ
 Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
 Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
 И льется чистая и теплая лазурь
 На отдыхающее поле.

Овстухъ 1857 г.

СXXX.

Смотри, какъ роца зеленѣеть,
Палящимъ солнцемъ облита,
И въ ней какую нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтви и листа!

Войдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, попыхъ родникомъ, —
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.

Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
До насъ доходить съ вышины.....

1857 г.

~~~~~

СXXXI.

Когда, что звали мы своимъ,
На вѣкъ отъ насъ ушло,
И какъ подъ камнемъ гробовымъ
Намъ станетъ тяжело.....

- 5 Пойдемъ и взглянемъ вдоль рѣки,
Туда—по склону водъ,
7 Куда стремглавъ бѣгутъ струи,
Куда потоки несутъ,—
9 Неодолимъ, неужержимъ,
10 И не вернется вспять.....
11 И чѣмъ мы далѣе глядимъ,
12 Тѣмъ легче намъ дышать.....

И слезы льются изъ очей,
И видимъ мы сквозь слезъ,
Какъ все быстрѣе и быстрѣй
Волненье понеслось.....

Душа впадаетъ въ забытѣ
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.....

1858 г.

СXXXII.

Осенней, поздней порою
Люблю я Царкосельскій садъ,
Когда онъ тихой полумглою
Какъ бы дремотою объять.
И бѣлокрылыя видѣнья,
На тускломъ озера стеклѣ,
7 Безгласны, тихи, безъ движенья—
8 Вѣлѣютъ въ этой полумглѣ.....

9 И на широкія ступени
Екатерининскихъ дворцовъ
Ложатся сумрачныя тѣни
Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ.

13 И въ тайнѣ сумрака нѣмого
14 Лишь слабо свѣтитъ, подъ звѣздой,
15 Какъ память дальнаго былаго,
16 Пустынный куполъ золотой.

Царское Село 1858 г.

Уроковъ и совѣтовъ
Они намъ не несутъ,
И отъ судьбы навѣтовъ
Они насъ не спасутъ,

Но силу ихъ мы чуемъ,
Ихъ слышимъ благодать,
И меньше мы тоскуемъ,
И легче намъ дышать....

2/ Такъ мило благодатна,
Воздушна и свѣтла —
Душѣ моей стократно
Любовь твоя была.

1858 г.

СXXXIII.

Въ часы, когда бываетъ
Такъ тяжело на груди,
И сердце изнываетъ,
И тьма лишь впереди,

Безъ силъ и безъ движенья,
Мы такъ удручены,
Что даже утѣшенья
Друзей намъ не смѣшны, —

Вдругъ солнца лучъ привѣтный
Войдетъ украдкой къ намъ
// И брызнетъ огнецвѣтной
Струю по стѣнамъ;

Со тверди благосклонной,
// Съ лазуревыхъ высотъ —
Вдругъ воздухъ благовонный
Въ окно на насъ пахнетъ...

СХХХІV.

Она сидѣла на полу
И грудѣ писемъ разбирала,
И какъ остывшую золу,
Брала ихъ въ руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно такъ на нихъ глядѣла,
Какъ души смотреть съ высоты
На ими брошеное тѣло.

И сколько жизни было тутъ,
Невозвратно пережитой,
И сколько горестныхъ минутъ
Любви и радости убитой!

Стоялъ я молча, въ сторонѣ,
И пасть готовъ былъ на колѣни,—
И страшно, грустно стало мнѣ,
Какъ отъ присущей, милой тѣни.

1858 г.

СХХХV.

ДОРОГА ИЗЪ КЕНИГСВЕРГА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

I

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
Огромной тучи снѣговой;
Сипѣеть даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
Окутаннымъ осенней мглой!
Все голо такъ, и пусто, необъятно,
Въ однообразіи нѣмомъ,
Мѣстами лишь просвѣчиваютъ пятна
Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ.
Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенія;
Жизнь отошла, и покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытѣ изнеможенія,
Здѣсь человекъ лишь снится самъ себѣ.
Какъ свѣтъ дневной, его тускнѣютъ взоры;
Не вѣрится оны, хоть видѣлъ ихъ вчера,
Что есть края, гдѣ радужныя горы
Въ лазурныя глядятся озера....

1839 г.

II.

Грустный видъ и грустный часъ!

Дальнй путь торопнть насъ....

Вотъ, какъ призракъ гробовой,

Мѣсяцъ всталъ, н изъ тумана

Освѣтилъ безлюдный край.....

Путь далеку, не унывай!

Ахъ, и въ этотъ самый часъ,

Тамъ, гдѣ нѣтъ теперь ужъ насъ,

Тотъ же мѣсяцъ, но живой

Дышетъ въ зеркаль Лемана!

Чудный видъ, и чудный край!....

Путь далеку, не вспоминай!

1859 г.

СХХХVII.

М Е М Е Н Т О .

Ея послѣднй я-помню взоры
На этотъ край, на озеро и горы,
Въ роскошной славѣ западныхъ лучей:
Какъ сквозь туманъ болѣзни многотрудной,
Она, порой, ловила призракъ чудный, —
Весь этотъ мйръ былъ такъ сочувственъ ей!

Какъ эти горы, волны и свѣтила,
И въ полутьмѣ своей она любила,
Своею чуткой, любящей душой, —
И предъ грозой; ужъ близкой, разрушенья,
Какія въ ней бывали умленья—
Предъ этой жизнью вѣчно-молодой!

Свѣтились Альпы, озеро дышало, —
И тутъ же намъ, сквозь слѣзъ, понятно стало,

Что чья душа так царственно свѣтла,
Кто до конца сберегъ ее живую, —
И въ страшную минуту роковую
Все той же будетъ, чѣмъ была!....

Женева. 1860 г.

СХХХVIII.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Ты взялъ свой день..... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ челоуѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью.....

19 февраля 1861 года.

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМ-
СКАГО.

У музы есть различныя пристрастья,
Дары ея даются не равно;
Стократъ она божественнѣе счастья,
Но своенравна какъ оно:

Иныхъ она лишь на зарѣ лелѣеть,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ,
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣетъ,
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тѣмъ у ручья, на луговинѣ тайной,
Нежданная, является порой,
Порадуетъ улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи нѣтъ второй.

Не то отъ ней присуждено вамъ было:
Васъ юношей настигнувъ въ добрый часъ,
Она въ душѣ васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ васъ.

Досужная, она не мимоходомъ
Пеклась о васъ, ласкала, берегла,
Растила вашъ талантъ, и съ каждымъ годомъ
Любовь ея нѣжнѣе все была.

И какъ съ годами крѣпнеть, пламенѣя,
Соку богатный виноградныхъ лозъ,—
И въ кубокъ вашъ все жарче и свѣтлѣе
Такъ вдохновеніе лилось.

И никогда такимъ виномъ какъ нынѣ
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ...
Давайте-жь, князь, подыместъ въ честь богинѣ
Вашъ полный, пѣнистый фіяль, —

Богинѣ въ честь, хранящей благородно
Залогъ всего, что свято для души,
Родную рѣчь..... расти она свободно
И подвигъ свой великій доверши!

Потомъ мы всё, въ молитвенномъ молчаньи,
Священныя поминки сотворимъ —
Мы сотворимъ тройное возліанье
Тремъ незабвенно дорогимъ.

Нѣтъ отълика на голосъ ихъ зовущій,
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именинъ,

Кому-жь они не близки, не присущи,
Жуковский, Пушкинъ, Карамзинъ!...

Такъ вѣримъ мы, незримыми гостями,
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витають между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За ними, князь, во имя музы вашей,
Подносимъ вамъ задравное вино,
И долго, долго, въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно!...

2-го марта 1861 г.

СХЛІ.

Я зналъ ее еще тогда,
Въ тѣ баснословные года,
Какъ передъ утреннимъ лучомъ
Первоначальныхъ дней звѣзда
Ужь тонеть въ небѣ голубомъ.

И все еще была она
Такъ свѣжей прелести полна,
Той доразсвѣтной темноты,—
Какъ бы незрима, не слышна,
Роса ложилась на цвѣты.

И жизнь ея тогда была
Такъ совершенна, такъ цѣла,
И такъ средѣ земной чужда,
Что, мнится, и она зашла,—
А не погибла,— какъ звѣзда.

27 марта 1861 г.

Вотъ, въ эти-то часы, съ любовью,
О книгѣ сей ты вспомяни—
И всею душой, какъ къ изголовью,
Къ ней припади—и отдохни.

1861. г.

СХЛII.

ПРИ ПОСЫЛКѢ НОВАГО ЗАВѢТА.

Не легкій жребій, не отраднѣй,
Быль вынуть для тебя судьбой,
И рано съ жизнью безопашной
Вступила ты въ неравнѣй бой.

Ты билась съ мужествомъ немногихъ,
И въ этомъ роковомъ бою —
Изъ испытаній самыхъ строгихъ
Всю душу вынесла свою.

Нѣтъ, жизнь тебя не побѣдила,
И ты въ отчаянной борьбѣ
Ни разу, другъ, не измѣнила
Ни правдѣ сердца, ни себѣ.

Но скудны всѣ земныя силы:
Разсвирѣбѣть жизни зло —
И намъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно, тяжело.

СХІІІ.

А. А. Ф Е Т У.

Тебѣ сердечный мой поклонъ
И мой, каковъ ни есть, портретъ,
И пусть, сочувственный поэтъ,
Тебѣ, хоть молча, скажетъ онъ:
Какъ дорогъ былъ мнѣ твой привѣтъ,
Какъ имъ въ душѣ я умиленъ.

Инымъ достался отъ природы
Инстинктъ пророчески-слѣпой—
Они имъ чуютъ, слышатъ воды
И въ темной глубинѣ земной....

Великой матерью любимы,
Стократъ завиднѣй твой удѣлъ—
Не разъ подъ оболочкой зримой
Ты самоѣ ее узрѣлъ.....

1861 г.

СХІІІІ.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тѣсный кругъ друзей,
Но вся великая природа
Вашъ торжествуетъ юбилей.

Смотрите, на какомъ просторѣ
Она устроила свой пиръ, —
Весь этотъ берегъ, это море,
Весь этотъ чудный лѣтній міръ.

Смотрите, какъ облитый свѣтомъ,
Ступивъ на крайнюю ступень,
Съ своимъ прощается поэтомъ
Великолѣпный этотъ день.....

Фонтаны брызжутъ тиховѣйно,
Прохладой сонной дышетъ садъ,
И такъ надъ вами юбилейно
Петровы липы здѣсь шумятъ!

Петергофъ 12 іюля 1867 г.

СXLV.

Хоть я и свиль гнѣздо въ долині,
 Но чувствую порой и я,
 Какъ животворно на вершинѣ
 Вѣжить воздушная струя,—
 Какъ рвется изъ густаго слоя,
 Какъ жаждетъ горнихъ наша грудь,
 Какъ все удушливо-земное
 Она хотѣла-бъ оттолкнуть!

На недоступныя громады
 Смотрю по цѣлымъ я часамъ,—
 Какія росы и прохлады
 Оттуда съ шумомъ льются къ намъ!
 Вдругъ просвѣтлѣютъ огнецвѣтно
 Ихъ непорочныя свѣга:
 По нимъ проходитъ незамѣтно
 Небесныхъ Ангеловъ нога....

10 октября 1861 г.

СXLVI.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
 Ужасный, безобразный сонъ:
 Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
 Воскресшими для новыхъ похоронъ.

Осьмой ужъ мѣсяцъ длятся эти битвы,
 Геройскій пылъ, предательство и ложь,
 Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
 Въ одной рукѣ распятіе и ножъ. —

И цѣлый міръ, какъ опьяненный ложью,
 Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла!...
 Нѣтъ никогда такъ дерзко правду Божью
 Людская кривда къ бою не звала!...

И этотъ кличъ сочувствія слѣпago,
 Всемирный кличъ къ неистовой борьбѣ,
 Развратъ умовъ и искаженіе слова —
 Все поднялось и все грозитъ тебѣ,

О, край родной! — такого ополченья
Мирь не видалъ съ первоначальныхъ дней.....
Велико знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!

Москва 1863 г.

СХLVII.

Ж Е Н Е В А.

Утихла буря, легче дышетъ
Лазурный сонмъ женеvскихъ водъ,
И лодка вновь по нимъ плыветъ,
И снова лебедь ихъ колышетъ.

Весь день, какъ лѣтомъ, солнце грѣетъ,
Деревья блещутъ пестротой,
И воздухъ ласковой волной
Ихъ ветхость пышно лелѣетъ.

А тамъ въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра,
Сіяетъ Бѣлая Гора
Какъ откровенье неземное....

11-го октября 1863 г.

При ней и старость молодѣла,
И опытъ сталъ ученикомъ:
Она вертѣла какъ хотѣла,
Дипломатическимъ клубкомъ.....

СХLVIII.

Н. Н-ой.

Какъ лѣтней иногда порою
Вдругъ птичка въ комнату влетитъ
И жизнь и свѣтъ внесетъ съ собою,
Все огласитъ и озаритъ,

Весь міръ, цвѣтущій міръ природы
Въ нашъ уголъ вносятъ за собой,
Зеленый лѣсъ, живыя воды
И отблескъ неба голубой,—

Такъ мимолетной и воздушной
Явилась гостьей къ намъ она,
Въ нашъ міръ и чопорный и душный
И пробудила всѣхъ отъ сна.

Ея присутствіемъ согрѣта —
Жизнь встрепенулася живѣй,
И даже питерское лѣто
Чуть не оттаяло при ней.

И самый домъ нашъ будто ожилъ,
Ея жилищею избравъ,
И насъ ужъ менѣ тревожилъ
Неугомонный телеграфъ.

Но кратки всѣ очарованья,
Имъ не дано у насъ гостить,
И вотъ сошлись мы—для прощанья,
Но долго, долго не забыть

Нежданно милыхъ впечатлѣній,
Тѣ ямки розовыхъ ланитъ,
Ту нѣгу стройную движеній
И станъ оправленный въ магнитъ;

Радужный смѣхъ и звучный голосъ,
Полулукавый свѣтъ очей,
И этотъ длинный тонкій волосъ,
Едва доступный пальцамъ фей....

1863 г.

Сентябрь холодный буревадь,
Съ деревьевъ ржавый листъ валился,
День потухающій дымился,
Сходила ночь, туманъ вставаль.

И все для сердца и для глазъ
Такъ было холодно-безцвѣтно,
Такъ было грустно-безотвѣтно,
Но чья-то пѣснь вдругъ раздалась.

И вотъ, какимъ-то обаяньемъ,
Туманъ, свернувшись, улетѣлъ;
Небесный сводъ поголубѣлъ
И вновь подернулся сѣньюемъ.

И все опять зазеленѣло,
Все обратилось къ веснѣ....
И эта греза снилась мнѣ,
Пока мнѣ птичка ваша пѣла.

СЛІ.

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ.

Вамъ выпало призванье роковое,
Но тотъ, кто призвалъ васъ, и соблюдетъ
Все лучшее въ Россіи, все живое
Глядитъ на васъ и вѣритъ вамъ и ждетъ.
Обманутой, обиженной Россіи
Вы честь спасли,—и выше нѣтъ заслугъ;
Днесъ подвиги вамъ предстоятъ иные:
Отстойте мысль ея, спасите духъ....

1864 г.

СЛІІ.

НА СМЕРТЬ ГРАФА Д. Н. ВЛУДОВА.

И тихими послѣдними шагами
Онъ подошелъ къ окну. День вечерѣлъ,
И чистыми, какъ благодать, лучами
На западъ свѣтились и горѣлъ.
И вспомнилъ онъ годину обновленья —
Великій день, новозавѣтний день,—
И на лицѣ его отъ умиленья
Предсмертная вдругъ озарилась тѣнь.
И разъ еще два образа родные.—
Ихъ какъ свѣтлицю въ сердцѣ онъ носилъ,—
Предстали передъ нимъ—Царь и Россія,
И отъ души онъ ихъ благословилъ.
Потомъ главой припалъ онъ къ изголовью,
Послѣдняя свершалася борьба,—
И самъ Спаситель отпустилъ съ любовью
Послушнаго и вѣрнаго раба!.....

1864 г.

СЛIII.

Весь день она лежала въ забытѣ,
И всю ее ужъ тѣни покрывали;
Лилъ теплый лѣтній дождь, его струи
По листьямъ весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться къ шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена въ сознательную думу.....
И вотъ, какъ бы бесѣдуя съ собой,
Сознательно она проговорила
(Я былъ при ней, убитый, но живой):
«О, какъ все это я любила!»
Любила ты, и такъ какъ ты любишь —
Нѣтъ, никому еще не удавалось,
О Господи!.... и это пережить!....
И сердце на клочки не разорвалось!

Юля 1864 г.

СЛIV.

Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней,—
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей:

Земное-ль въ ней очарованье,
Иль не земная благодать?
Душа хотѣла-бъ ей молиться,
А сердце рвется обожать.....

Ницца 3-е ноября 1864 г.

CLV.

НИЦА.

О, этот югъ! о, эта Ница!.....
О, какъ ихъ блескъ меня тревожить!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хотеть и не можетъ.....
Нѣтъ ни полета, ни размаху,
Висятъ поломанныя крылья,
И вся дрожить, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи грустнаго безсилья.....

21 ноября 1864 г.

CLVI.

Е Н С У С Ь І С А.

Быль день, когда Господней правды молотъ
Громилъ, дробилъ ветхозавѣтный храмъ,
И собственнымъ мечомъ своимъ заколотъ —
Въ немъ издыхалъ первосвященникъ самъ.

Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
И въ наши дни, дни Божьяго суда,
Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лже-намѣстникомъ Христа.

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла,
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

Не отъ меча погибнетъ онъ земнаго,
Мечомъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубить роковое слово:
«Свобода совѣсти есть бредъ».

Ница 21-го декабря 1864 г.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сиво-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходить, и дышетъ, и блещетъ оно.

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерявъ стою,
И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!

2-е января 1865 г.

EST IN ARUNDINEIS MODULATIO MUSICA RIPIS.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный мусикійскій порохъ
Струится въ зыбныхъ камышахъ.

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ,—
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ?

СЛXI.

Когда на то нѣтъ Божьяго согласья,
Какъ ни страдай она любя,—
Душа, увы, не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя!

Душа, душа! которая всецѣло
Одной завѣтной предалась любви
И ей одной дышала и болѣла,—
Господь тебя благослови!

Онъ милосердный, всемогущій,
Онъ грѣбущій Своимъ лучомъ
И пышный цвѣтъ на воздухѣ цвѣтущій,
И чистый перлъ на днѣ морскомъ!...

12 февраля 1863 г.

СЛXII.

ТЕЛЕГРАММА ВЪ ПЕТЕРГОФЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯ-
ЗЕМСКОМУ.

Безпомощный и убогой,
И съ усльемъ и съ тревогой,
Къ вамъ пишу съ одра привставъ,
И привѣтъ мой хромоногой
Окрылить пусть телеграфъ.

Пусть умчитъ его, играя,
Въ дивный, свѣтлый уголь тотъ,
Гдѣ весь день, не умолкая,
Словно бури дождевая
Въ купахъ зелени поеть.

Петербургъ 29 іюня 1863 г.

ВОСХОДЪ СОЛНЦА.

Молчить сомнительно востокъ
 Повсюду чуткое молчанье:
 Что это—сонъ или ожиданье,
 И близокъ день или далеке?
 Чуть-чуть бѣлѣть теми горъ,
 Еще въ туманѣ лѣсъ и доли,
 Спать города и дремлютъ селы....
 Но къ небу подымите взоръ.

Смотрите: полоса видна,
 И словно скрытной страстью рдѣя,
 Она все ярче, все живѣе—
 Вся разгорается она!
 Еще минута—и во всей
 Неземлѣримости эфирной
 Раздастся благовѣсть всемирный
 Побѣдныхъ солнечныхъ лучей....

Москва 25 июля 1865 г.

Какъ неожиданно и ярко,
 По влажной пеба синевѣ,
 Воздухъ вдругъ подвиглась арка
 Въ своемъ минутномъ торжествѣ:
 Одинъ конецъ въ лѣса вопзела,
 Другимъ за облака ушла;
 Она полнеба обхватила
 И въ высотѣ изнемогла!

О, въ этомъ радужномъ видѣньи
 Какая нѣга для очей!
 Оно дано намъ на мгновенье,—
 Лови его, лови скорѣй!
 Смотри: оно ужъ поблѣднѣло,—
 Еще минута, двѣ—и что-жь?
 Ушло, какъ то уйдетъ всецѣло,
 Чѣмъ ты и дынешь и живешь.

Рославль 5 августа 1865 г.

СЛXV.

Ночное небо такъ угрюмо,
Заволокло со всѣхъ сторонъ:
То не угроза и не дума—
То вялый безотрадный сонъ.
Однѣ зарницы огневья,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступать изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ — на высотѣ....

Овстухъ 18 августа 1865 г.

СЛXVI.

ГРАФИНЪ А. Д. В.

Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе,
Какъ ни пришлось намъ уяснить
То, что намъ съ каждымъ днемъ яснѣе,
Что пережить — не значить жить....

Во имя милова былова,
Во имя вашего отца,
Дадимъ же мы другъ другу слово—
Не измѣняться до конца.

С.-Петербургъ 1 марта 1866 года.

Тихо въ озерѣ струится
Отблескъ кровель золотыхъ,
Много въ озерѣ глядится
Достопавностей былыхъ.
Жизнь играетъ, солнце грѣеть,
Но подъ нею и подъ нимъ
Здѣсь бывое чудно вѣтъ
Обаяніемъ своимъ.

Солнце свѣтитъ золотое,
Влещуть озера струи,
Здѣсь великое бывое
Словно дышетъ въ забытїи;
Дремлетъ сладко, беззаботно,
Не смущая дивныхъ сновъ
И тревогой мимолетной
Лебединыхъ голосовъ.

Царское Село 1866 г.

НА КОНЧИМУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Все рѣшено, и онъ спокоенъ—
Онъ, претерпѣвшій до конца,—
Знать, онъ предъ Богомъ былъ достоенъ
Другаго, лучшаго вѣнца!

Другаго, лучшаго наслѣдства,
Наслѣдства Бога своего,—
Онъ, наша радость съ малолѣтства,
Онъ былъ не нашъ, онъ былъ Его....

Но между нимъ и между нами
Есть связи естества сильнѣй:
Со всѣми русскими сердцами
Теперь онъ молится о ней,—

О ней, чью горечь испытавъ
Пойметъ, измѣрить только Та,
Кто, осятивъ собой страданье,
Стояла, плача, у креста.....

12 апрѣля 1865 г.

СЛXIX.

И въ Вожьемъ мирѣ то-жь бываетъ,
И въ маѣ снѣгъ идетъ порой,
А все-жь весна не унываетъ
И говоритъ: чередъ за мной!...
Безильна, какъ она ни злѣся,
Несвоевременная дурь,—
Мятели, вьюги улеглись,
Ужь близко время лѣтнихъ бурь....

11 мая 1866 г.

СLXX.

НА СМЕРТЬ ГР. М. Н. МУРАВЬЕВА.

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было бъ у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія!

2 сентября 1866 г.

СЛХХІІ.

Небо блѣдно-голубое
Дышетъ свѣтомъ и тепломъ,
Что-то радостно-родное
Вѣтъ, свѣтится во всемъ.

Воздухъ, полный теплой влаги,
Зелень свѣжую поштъ
И торжественные флаги
Зыбью тихою струитъ.

Чистымъ пламенемъ, спокойно.
По ночамъ горять огни....
Очарованныя ночи,
Очарованные дни!

Словно, строгій чинъ природы
Преданъ былъ, на эти дни,
Духу жизни и свободы,
Духу свѣта и любви.

Словно въ вѣкъ ненарушимый,
Быль нарушенъ вѣчный строй
И любившей и любимой —
Человѣческой душой.

Въ этомъ ласковомъ сіяньѣ,
Въ этомъ воздухѣ живомъ
Чье-то чудится дыханье,
Чей-то слышится пріемъ,

И нѣмое умненье,
Съ благодатью чистыхъ слѣзъ,
Къ намъ сошло, какъ откровенье,
И во всѣхъ отозвалось.

Не бывалое доселѣ
Понялъ вѣщій нашъ народъ,
И Дагмарова недѣли
Перейдетъ изъ рода въ родъ.

17 сентября 1866 года.

CLXXIII.

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная статья —
Въ Россію можно только вѣрить.

28 ноября 1866 г.

CLXXIV.

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА.

Великій день Карамзина
Мы, поминная братской тризной,
Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что-бъ откликнулась она?

Какой хвалой благоговѣйной,
Какимъ сочувствіемъ живымъ,
Мы этотъ славный день почтимъ —
Народный праздникъ и семейный?

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ —
Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
Средь колебаній и сомнѣній
Много-тревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси безобразной —
Безсильной правды, дерзкой лжи —
Такъ ненавистой для души
Высокой и ко благу страстной,

Души, какой твоя была,
Какъ здѣсь она еще боролась,
Но на призывный Божій голосъ
Неудержимо къ цѣли шла?

Мы скажемъ, будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный,

Умѣвший все совокулить
Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
Все человѣчески-благое,
И русскимъ чувствомъ закрѣпить,—

Умѣвший, не сгибая выи
Предъ обалнѣемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрнопопдааннымъ Россіи....

1 декабря 1866 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ КНЯГИНИ Т.

(Переводъ съ французскаго)

Средь Рима древняго сооружалось зданье —
То Неронъ воздвигалъ дворецъ свой золотой;
Подъ самую дворца гранитною пятой
Былинка съ кесаремъ вступила въ состязанье:
«Не уступлю тебѣ, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу время».
— Какъ, мнѣ не уступить? Миръ гнется подо мной.—
«Весь миръ тебѣ слугой, а мнѣ слугою время».....

Декабря 1866 г.

СЛХХVI.

Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?

Уже-ль на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ почи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсѣпляются лучи?

Все гуще мракъ, все нуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ,
Проснись теперь, иль никогда.....

20 декабря 1866 г.

СЛХХVII.

Хотя-бъ она сошла съ лица земнаго,—
Въ душѣ царей для правды есть пріютъ.
Кто не слышалъ торжественнаго слова?
Вѣка вѣкамъ его передаютъ.

И что-жь теперь? Увы, что видимъ мы?
Кто пріютитъ, кто призритъ гостью Божью?
Ложь, злая ложь растлила всѣ умы,
И цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью!....

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью!
Опять рѣзня..... повсюду вой и плачь,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью!

О, этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ,
На площадяхъ, въ палатахъ, на престолахъ —
Вездѣ онъ правды личнымъ сталъ врагомъ!

Но есть еще одинъ пріютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь:
Въ твоей душѣ онъ, Царь нашъ православный,
Нашъ благодушный, честный, Русскій Царь!

31 декабря 1866 г.

CLXXVIII.

**ГРАФИНЪ А. Д. ВЛУДОВОЙ ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ОТЪ НЕЯ
КНИГИ СЪ ЗАМѢТКАМИ ГР. Д. Н. В.**

Какъ этого посмертнаго альбома
Миѣ дороги завѣтные листы,
Какъ все на нихъ такъ родственно-знакомо,
Какъ полно все душевной теплоты!

Какъ этихъ строкъ сочувственная сила
Всего меня обвѣяла былымъ:
Храмъ опустѣлъ, потухъ огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дымъ.

1 марта 1867 г.

CLXXXIX.

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь:
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе;
Цивилизація для нихъ фетишь,
Но недоступна имъ ея идея.

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискаютъ признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы!

С.-Петербургъ. Май 1867 года.

~~~~~

CLXXX.

ДЫМЪ.

(Повѣсть И. С. Тургенева.)

Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный,
Шумѣлъ и зеленѣлъ волшебный лѣсъ;—
Не лѣсъ, а цѣлый міръ разнообразный,
Исполненный видѣній и чудесъ:

Лучи сквозили, трепетали тѣни;
Не умолкалъ въ деревьяхъ птичій гамъ;
Мелькали въ чащѣ быстрые олени,
И ловчій рогъ взывалъ по временамъ.

На перекресткахъ, съ рѣчью и привѣтомъ,
На встрѣчу намъ, изъ полутьмы лѣсной,
Обвѣянный какимъ-то чуднымъ свѣтомъ,
Знакомыхъ лицъ слетался цѣлый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувствъ роскошный, свѣтлый пиръ!
Намъ чудились не здѣшнія созданья,
Но близко былъ намъ этотъ дивный міръ.

И вотъ опять къ таинственному лѣсу
Мы съ прежнею любовью подошли.
Но гдѣ же онъ? Кто опустил завѣсу,
Спустилъ ее отъ неба до земли?

Что это: призракъ, чары ли какія?
Гдѣ мы? И вѣрить ли глазамъ своимъ?
Здѣсь дымъ одинъ, какъ пятая стихія, —
Дымъ безотрадный, безконечный дымъ!

Кой-гдѣ насквозь торчать, по обнаженнымъ
Пожарищамъ, уродливые пни,
И бѣгаютъ по сучьямъ обожженнымъ,
Съ зловѣщимъ трескомъ, бѣлые огни.

Нѣтъ, это сонъ! Нѣтъ, вѣтерокъ пошеветъ
И дымный призракъ унесетъ съ собой,
И вотъ, опять нашъ лѣсъ зазеленѣетъ,
Все тотъ же лѣсъ—волшебный и родной!

Май' 1867 г.

СЛХХІ.

СЛАВЯНАМЪ.

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ!
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ — безъ изъятія!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!
Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здѣсь — не гости, вы — свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей, —
Здѣсь, гдѣ господство не знакомо
Иноязыческихъ властей!
Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ!

Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы — народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные.....
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ — не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервые скажетъ — это я!
При неотступномъ вспоминаньѣ
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшить!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложъ тагъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась;
Для нихъ — законъ и равноправность,
Для насъ — насилье и обманъ.....
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и по-днесъ
И тяготѣетъ и надъ нами—
Надъ нами, собранными здѣсь.....
Еще болить отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронута Коссово поле,
Не скрыта Бѣлая Гора!

А между тѣмъ позоръ не малый
Въ славянской, всѣмъ родной средѣ,—
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,
Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Гуду
Честять лобзаніемъ своимъ.

Опально-мировое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ кликъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ?....
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часть.....

И эта вѣра въ правду Бога
Ужь въ нашей не умреть груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди....
Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ....
И слово—Царь Освободитель—
За русскій выступить предѣль!

1867 г.

CLXXXII.

«MAN MUSS DIE SLAVEN AN DIE WAND DRÜCKEN».

(Славянъ должно прижать къ стѣнѣ).

СЛОВА АВСТРІЙСКАГО МИНИСТРА ФОНЪ-ВЕЙСТА.

Они кричатъ, они грозятся:
«Вотъ къ стѣнкѣ мы Славянъ прижмемъ!»
Ну, какъ бы имъ не оборваться
Въ задорномъ натискѣ своемъ!

Да, стѣнка есть — стѣна большая,
И васъ не грудно къ ней прижать, —
Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ, вотъ что трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земнаго круга
Она давно ужь обошла....

Ее не разъ и штурмовали—
Кой-гдѣ срывали камни три,
Но напоследокъ отступали,
Съ разбитымъ лбомъ, богатыри....

Стоить она какъ и стояла,
Твердыней смотреть боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но.... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ васъ Нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ, —
Посмотримъ, что они возьмутъ?

Какъ ни бѣснсь вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ, —
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами
И къ нимъ поближе подойдетъ.

1867 г.

НА ЮБИЛЕЙ КН. А. М. ГОРЧАКОВА.

Въ тѣ дни кроваво-роковые,
Когда, прервавъ борьбу свою,
Въ ножны вложила мечъ Россія,
Свой мечъ вззубренный въ бою, —

Онъ волей призванъ былъ державной
Стоять на стражѣ—и онъ сталь,
И бой отважный, бой неравный,
Одинъ съ Европой продолжалъ.

И вотъ двѣнадцать лѣтъ ужъ длится
Упорный поединокъ тотъ:
Иноплеменный мѣръ дивится,
Одна лишь Русь его пойметъ.

Онъ первый угадалъ въ чемъ дѣло,
И имъ впервые русскій духъ
Союзной силой признанъ смѣло, —
И вотъ вѣнецъ его заслугъ.

Июль 1867 г.

CLXXXIV.

Свершается заслуженная кара
За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ....
Не отвратить, не избѣжать удара,
И правда Божья видима для всѣхъ.

То Божьей правды праведная кара,
И ей въ отпоръ чью помощь ни зови,—
Свершится судъ.... и папская тиара
Въ послѣдній разъ купается въ крови!

А ты — ея носитель неповинный,
Спаси тебя Господь и отрезви—
Молись Ему, чтобы твои сѣдины
Не осквернились въ пролитой крови.

27 октября 1867 г.

CLXXXV.

ПО ПРОЧТЕНІИ ДЕПЕШЪ ИМПЕРАТОРСКАГО КА-
ВИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ «JOURNAL DE
ST.-PÉTERSBOURG».

Когда свершится искупленье,
И озарится вновь Востокъ, —
О, какъ поймутъ тогда значенье
Великолѣпныхъ этихъ строкъ!

Какъ первый яркій лучъ денницы,
Коснувшись, ихъ воспламенитъ,
И эти вѣщія страницы
Озолотитъ и освятитъ!

И въ изліяньи чувствъ народныхъ,
Какъ Божья чистая роса,
Племень признательно свободныхъ,
На нихъ затеплится слеза!

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, что было и что есть,—
Изобличивъ Европы совѣсть,
Онѣ спасли Россіи честь.

Дек. 1867 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посланіе къ А. В. III—ву	I
Утро въ горахъ	II
Сибѣйскія горы	III
Полдень	IV
«Песокъ сыпучій по колѣни»	V
— Весенія воды	VI
Осенній вечеръ	VII
«Что ты клонишь надъ водами»	VIII
Весна	IX
«Давно-ль, давно-ль, о югъ блаженный»	X
«Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной»	XI
«Я помню према золотое»	XII
— «Не то, что мните вы, природа»	XIII
«Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный»	XIV
«И гробъ опущенъ ужъ въ могилу»	XV
Италіанская вилла	XVI
Silentium	XVII
«Какъ птичка раннею зарей»	XVIII
«Какъ надъ горячею золой»	XIX
«Въ душномъ воздухѣ молчанья»	XX
«Душа моя—элизіумъ тѣней»	XXI
«Черезъ ливонскія я пробѣжалъ поля»	XXII
«О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной»	XXIII
«Душа хотѣла-бъ быть звѣздой»	XXIV
«Такъ здѣсь-то суждено намъ было»	XXV
«Еще шумѣлъ веселый день»	XXVI
Цицеронъ	XXVII

Фонтанъ	XXVIII
Двумъ сестрамъ	XXIX
«Востокъ блѣднѣлъ... Ладыя катилась»	XXX
«Потокъ сгустился и тускнѣеть»	XXXI
«Иркий снѣгъ снѣлъ въ долину»	XXXII
«Тамъ, гдѣ горы, убѣгаю»	XXXIII
«Надъ виноградными холмами»	XXXIV
«Смотри, какъ Западъ разгорѣлся»	XXXV
Арча Скальда	XXXVI
Лебедь	XXXVII
День и ночь	XXXVIII
«Не вѣрь, не вѣрь поэту!»	XXXIX
Весенняя гроза	XL
Сонъ на морѣ	XLI
Видѣніе	XLII
«Вечеръ мгlistый и вѣпастный»	XLIII
Изъ Гёте	XLIV
Изъ Шиллера	XLV
Поминки (изъ Шиллера)	XLVI
Саконтала (изъ Гёте)	XLVII
Изъ Фауста	XLVIII
Привѣтствіе духа (изъ Гёте)	XLIX
Изъ Шекспира	L
Пѣсія (изъ Шекспира)	LI
Изъ Гейне	LII
Cashe-cashe	LIII
Въ альбомъ друзьямъ (изъ Байрона)	LIV
Съ чужой стороны (изъ Гейне)	LV
Изъ Вилгельма Мейстера	LVI
Пѣснь скандинавскихъ воиновъ	LVII
Къ Нисѣ	LVIII
Могила Наполеона	LIX
«Живымъ сочувствіемъ привѣта»	LX
Къ Ганкѣ, съ припиской 1867 года	LXI
«Итакъ, опять увидѣлся я съ вами»	LXII
«Гладѣлъ я, стою надъ Невой (1844 г.)»	LXIII
«Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ»	LXIV
«Не даромъ милосерднымъ Богомъ»	LXV
«Когда въ кругу убійственныхъ заботъ»	LXVI
«Вдали отъ солнца и природы»	LXVII
«Какъ дынный столбъ свѣтлѣеть въ вышинѣ»	LXVIII
Слезы	LXIX

Плаваніе	LXX
Венеція	LXXI
Римъ ночью	LXXII
«Подъ дыханьемъ непогоды»	LXXIII
Порый листъ	LXXIV
«Какъ веселье грохотъ лѣтнихъ бурь»	LXXV
«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ»	LXXVI
Гроза дорогой	LXXVII
Море и утесъ (1848)	LXXVIII
Наполеонъ	LXXIX
Два голоса	LXXX
Колумбъ	LXXXI
Поэзія	LXXXII
«Еще томлюсь тоской желаній»	LXXXIII
Весеннее успокоеніе	LXXXIV
«Гроза прошла. Еще курясь лежалъ»	LXXXV
Графиня Ростоичиной (1830 г.)	LXXXVI
На Невѣ	LXXXVII
«Ужъ третій годъ бѣспуются языки»	LXXXVIII
Разсвѣтъ (1830 г.)	LXXXIX
«Тогда лишь въ полномъ торжествѣ»	XC
«Иѣтъ, карликъ мой, трусь безпримѣрный»	XCI
«День вечерѣетъ, ночь близка»	XCI
«Сіяетъ солнце, воды блещутъ»	XCI
«Не остывшая отъ зною»	XCI
«Святая ночь на небосклонѣ взошла»	XCV
«Слезы людскія, о слезы людскія»	XCVI
«Пошли Господь свою отраду»	XCVII
«Какъ ни дышетъ полдень знойный»	XCVIII
«Вновь твои я вижу очи»	XCIX
«Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любить»	C
«О, не тревожь меня укорой справедливой»	CI
«Чему молилась ты съ любовью»	CI
«О, какъ убійственно мы любимъ»	CI
Последняя любовь	CI
Mobile comme l'onde	CI
«Копченъ пиръ, умолкли хоры»	CVI
«Обвѣявъ вѣщею дремотой»	CVII
Предопредѣленіе	CVIII
«Я очи зналъ,—о, эти очи»	CIX
Проѣзжая черезъ Ковно	CX
Нашъ вѣкъ	CXI

На смерть Жуковского	CXII
Проблеск	CXIII
«Дума за думой, волна за волной»	CXIV
«Не разсуждай, не хлопочи»	CXV
«Не гуляй молвы промель в народъ»	CXVI
Олеговъ щить	CXVII
«Какое лѣто, что за лѣто!»	CXVIII
«Теперь тебѣ не до стиховъ»	CXIX
На новый 1855 годъ	CXX
«Вотъ отъ моря и до моря»	CXXI
По случаю прїѣзда австрійскаго эрцгерцога на похоро- ны Императора Николая	CXXII
«Эти бѣдныя селенья»	CXXIII
Советъ Микель-Анжело	CXXIV
«Увы, что нашего незнанья»	CXXV
«О, вѣчная душа моя»	CXXVI
Гр. Ростопчиной	CXXVII
Народный праздникъ	CXXVIII
«Есть въ осени первоначальной»	CXXIX
«Смотри, какъ роцца зеленѣеть»	CXXX
«Когда, что звали мы своимъ»	CXXXI
«Осенней поздней порою»	CXXXII
«Въ часы, когда бываетъ»	CXXXIII
«Она сидѣла на полу»	CXXXIV
Дорога изъ Кѣнигсберга въ Петербургъ (I.)	CXXXV
«Грустный видъ и грустный часъ» (II.)	CXXXVI
Memento	CXXXVII
Императору Александру II	CXXXVIII
На юбилей князя П. А. Вяземскаго	CXXXIX
«Я зналъ ее еще тогда»	CXL
При посылкѣ Нового Завѣта	CXLI
А. А. Фету	CXLII
Князю П. А. Вяземскому	CXLIII
«Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинь»	CXLIV
«Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами»	CXLV
Женева	CXLVI
N. N-ой	CXLVII
«Сентябрь холодный бушевалъ»	CXLVIII
Князю Горчакову	CL
На смерть графа Д. Н. Блудова	CLI
«Весь день она лежала въ забытїи»	CLII
«Какъ не разгаданная тайна»	CLIV

Ницца	CLV
Encyclika	CLVI
«Какъ хорошо ты, о море почное»	CLVII
На кончину Е. П. В. Государя Паскѣвича Николая Але- ксандровича	CLVIII
«Est in arundineis modulatio musica tipis»	CLX
«Когда на то ибѣтъ Божьяго согласья»	CLXI
Телеграмма князю П. А. Вяземскому	CLXII
Восходъ солнца	CLXIII
«Какъ неожиданно и ярко»	CLXIV
«Ночное небо такъ угрюмо»	CLXV
Графиня А. Д. В-ой	CLXVI
«Тихо въ озерѣ струится»	CLXVII
«И въ Божьемъ мирѣ то-жь бываетъ»	CLXIX
На кончину гр. М. И. Муравьева	CLXX
«Небо блѣдно-голубое»	CLXXI
«Умомъ Россїю не понять»	CLXXII
На юбилей П. М. Карамзина	CLXXIII
Въ альбомъ княгини Т	CLXXIV
«Ты долго-ль будешь за туманомъ»	CLXXV
«Хотя-бъ она сошла съ лица земнаго»	CLXXVI
Графиня А. Д. Блудовой	CLXXVII
«Напрасный трудъ! Ибѣтъ, ихъ не вразумишь»	CLXXVIII
«Дымъ» (Повѣсть П. С. Тургенева)	CLXXX
Славянамъ	CLXXXI
«Man muss die Slaven an die Wand drücken»	CLXXXII
На юбилей князя Горчакова	CLXXXIII
«Свершается заслуженная кара»	CLXXXIV
По прочтенїи дельсѣ Императорскаго кабинета	CLXXXV

